

18+

Анастасия Сагран

Дорогая эрцеллет, успокойся!

Седьмая история вселенной Бесцейна

Анастасия Сагран

Дорогая эрцеллет, успокойся!

«Автор»

2019

Сагран А.

Дорогая эрцеллет, успокойся! / А. Сагран — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-07303-6

Молодая супруга древнейшего, принца Алекса Санктуария, случайно обнаружила загадочную тайнопись в его столе. Древнейшие отчаянно скрытны, но наверняка знают всё или почти всё. Бриана может понять из дневника мужа всё то, о чём он молчит! Почему Алекс потерял веру? Почему он - единственный из людей-древнейших? И есть ли у него любовница? Но о том, что расшифровка может отправить её вместе с Алексом на другую планету, Бриана даже и предположить не могла!

ISBN 978-5-532-07303-6

© Сагран А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Эрцеллет Санктуарийская	6
Глава 2. Полсотни лет хранимое письмо	13
Глава 4. Обретая веру в причастных	23
Глава 5. Теряя веру в сильных	32
Глава 7. Дом пострадавших	44
Глава 8. Предчувствие ужасной правды	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анастасия Сагран

Дорогая эрцеллет, успокойся!

Предисловие

Один за другим, путешествующие в поисках нового дома, древнейшие вида крылатых людей обращали своё внимание на Клервинд. Цветущая, с приятным климатом и плавной сменой времён года, планета находилась в кластере космоса, где время текло куда быстрее, а мощных воинственных цивилизаций неподалёку просто не существовало. Однако Клервинд уже был заселён людьми с красной кровью и среди них нашёлся свой герой, Илес Анктур, упрямо не стареющий тысячелетиями. Легенда людей гласит, что мальчик родился в обычной чистой кровной человеческой семье лесных охотников, а став вождём и в заботах о племени пережив просветление разума, Илес получил дары свыше: крылья, способность призвать меч и видеть ложь по глазам разумных. Пережив множество разочарований, вождь ушёл от людей и уснул, подобно древнейшим крылатым, на века. Его пробуждали ради крупных сражений или ради защиты от перевёртышей-одиночек, прилетавших из космоса и обижавших людей.

К тому моменту, как людей на Клервинде взяла под защиту цивилизация крылатых, от красивой легенды о древнейшем из людей осталась лишь пара фраз, а имя героя стало звучать как Алекс Санктуарий. Но когда цивилизации перевёртышей прилетели из космоса, чтобы отвоевать Клервинд у крылатых, и заручились симпатиями людей, герой примкнул к другой стороне – крылатым. Двигал ли им только расчёт? Возможно, ведь среди пробуждённых для войны древнейших был сам Сапфир Сильверстоун – настоящий ясновидящий с абсолютным даром. Но, не смотря на это и то, что целая цивилизация фитов пришла крылатым на помощь, войну никак не удавалось выиграть, ведь и на стороне северян немало гениев и даже четыре древнейших из перевёртышей. Один из них, Рашингава, вывел драконов и эскортов, ставших живыми машинами для убийства, другой, по прозвищу Классик, методично убивал древнейших крылатых. И только работа дипломатов, добившихся мира, и небольшая доля чуда спасли Клервинд от полного опустошения. Старые враги пошли на уступки ради создания Единой империи, приняли титулы принцев и короновали человека из древнего клана – Эрика Бесцейна.

Но не спокойна жизнь в такой империи. Об искренней дружбе бывших врагов нельзя и подумать, а перевёртыши, ко всему прочему, народ неутомимый, жадный до власти и почестей. Так, потерпев поражение в битве за ведущую роль внутри отцовского предела, наследник принца Ханта, Шон Грэм, собрал всех самых рискованных перевёртышей, не принадлежащих крупным кланам, и стал силой, угрозой спокойствию. Единственной, но истинно роковой его ошибкой стало то, что, не позволяя вмешиваться своему отцу, он решил воспользоваться помощью принцев-перевёртышей для своего возвышения и принял их план.

Глава 1. Эрцеллет Санктуарийская

Конец 33-го года эпохи Тррора Сапфира. Три-Алле – дворец принца империи Алекса Санктуария.

Сервы в этом доме давно перестали ломать голову над поведением хозяев.

Только что по дворцу раздавался шум ссоры и даже драки, но, едва всё более или менее стихло, как хозяйка побежала на кухню, чтобы суметь предоставить супругу его любимые кушанья к ужину, которые по-особому вкусно могла готовить только она. Молочник, зашедший с чёрного хода на чашку тёплого ещё шоколада, наверняка подумал, что принц Алекс Санктуарий с успехом расставил акценты в отношениях с женой. Но... если бы молочник видел сейчас лицо эрцеллет-принцессы, а не спину, он решил бы, пожалуй, что супруга, убеждённая в необходимости следования правилам, собирается стать отравительницей. Но и так он ошибся бы, хотя не он один – все замерли, окружив хозяйку, и внимательно следили, чтобы ничего опасного не оказалось в тарелке принца вместе с едой.

"Ублюдок мерзкий!" – думала Бриана, эрцеллет-принцесса Санктуарийская, с горящими глазами и несколько зловещей улыбкой украшая зеленью мясо. – "Посмел! Посмел же!.. Ну что же, будущее таково: тебе подадут ужин, а когда ты, наконец, обратишь внимание на то, что ешь, то подумаешь: "Она старалась и готовила мне то, что я люблю. А я сразу после этого вывел её из себя". И тебя, милый, гадкий Алекс, затопит чувство вины. Чувство вины встанет у тебя поперёк горла. Ненадолго – я тебя знаю – ты всё съешь. Но потом ты подумаешь: "Возможно, я был не прав. Возможно, я должен был послушать её. Она ведь вовсе не собиралась ссориться. Она приготовила мне ужин. С любовью. Возможно, что в словах, которые она сказала, не было ничего ужасного. Если я просто неправильно понял её..." Негодный принц, ты обязательно убедишь себя в том, что просто неправильно понял меня. Тогда ты скажешь мне: "Бриана, прости". А потом ты скажешь мне это в лицо. Ты извинишься передо мной. И не прошепчешь мне это ночью, на ушко, не зная в точности, сплю я или нет, а при свете, в глаза. Так, чтобы стоял передо мной и ждал ответа, как приговора. Ха!"

Да, нормальный разумный ни за что не подумает, что женщина после такого скандала захочет приготовить что-то. Нормальный разумный подумает, что она взялась за готовку до инцидента с излишне громким и бурным выяснением отношений. Всё верно.

Бриана, уже уходя с кухни, вдруг вернулась:

– Я, пожалуй, ещё и тарое-соус сделаю. Извините, дамы и господа, что продолжаю мешаться, – сказала поварам и помощникам хозяйка, и улыбка отравительницы вернулась на лицо Брианы. Она люто ненавидела консистенцию и запах тарое-соуса. Но у него была одна особенность – им можно было, при некоторой тренировке, освоить съедобную каллиграфию. И Бриана изящными отточенными движениями изобразила узорчик на самом большом куске мяса и выписала "с любовью" по краю тарелки. Белизна блюда и густой, насыщенный цвет соуса... противник не сможет не заметить.

После этого крылатая почувствовала удовольствие. Наслаждаясь собой, она очень тихо поднялась в свою спальню, открыла её ключом, заперлась изнутри и задумалась о том, слышал ли муж её рыдания после ссоры. Это был отличный тактический ход. Знать бы только, сработал ли. Если нет, то жаль усилий – Бриана вовсе не плакала. Это была только уловка. И да, скоро на её запястьях проявится сирень, да, он сделал ей больно и физически, да, наследники Алекса опять спросят, не бил ли её принц и это будут риторические вопросы, потому как ответ ясен.

Кровь ещё бурлила в жилах. И если бы не все принятые меры, Бриана металась бы по комнате, культивируя в себе этот гнев. Или ощущала бы себя жертвой. А так – нет, всё нормально. Образ самой себя Бриане очень нравился. Она чувствовала себя сильной.

В дверь постучали. Бриана быстро размазала вокруг век специальную краску, на плечи накинула коричневую шаль, подчёркивающую бледность кожи, и с невозмутимым видом открыла. На пороге дочери: Сапфирта, Анна и Шеридан. Старшей четырнадцать, двум другим десять и семь. Все девочки – перевёртыши, удочерённые Алексом. Он не желал торопиться с производением родных детей. Ещё бы – по закону смешения крови человека и крылатой, почти треть детей в таком браке, называемом нижним диагональным, рождается вовсе без способности жить. Твёрдо усвоив это в прошлом, Алекс не хотел повторения кошмара теперь. Может быть, когда-нибудь...

Отношения принца с его взрослыми наследниками больше напоминали взаимную привязанность отца и сыновей, хотя эти герцоги не приходились Алексу родными сыновьями. Кристиан Рэйли и Бенедикт, кардинал Гурана, только потомки его потомков – крылатые, в крови которых почти не осталось ничего человеческого. Но они оказались членами его семьи на тот момент, когда Санктуария пробудили для битвы. Впрочем, были ещё герцоги рода Санктуариев, но они погибли в войне Севера и Юга уже при Алексе, что заставило его ещё больше ценить и любить Кристиана и Бенедикта. Клан Санктуариев не рос несколько десятков лет. А затем среди мужчин появилась женщина. А где женщина – там и дети.

– Вы с папой снова подрались? – спросила Анна, входя.

– Да.

– Мама, ты...

– Я чувствую себя просто прекрасно, – шёпотом сообщила Бриана. Она поманила девочек на софу, и, когда все уселись, сбившись в кучку, заулыбавшаяся мать так же тихо продолжила: – Я была так зла, что почти не чувствовала боли. Да и вашему папе досталось, как следует. Завтра утром, если он забыл исцелиться, я посчитаю его синяки и сообщу вам их количество.

– Но ты плакала...

– Притворялась, – стёрла кончиком пальца краску с века и показала дочерям: – Брак – это такое дело, в которое бездумно и без подготовки вступать нельзя.

– Брак предполагает доверие и честность, – вздохнула всё ещё романтически настроенная Сапфирта.

– Доверие – для слабаков, – парировала Бриана, тихонько рассмеявшись. Это всё Алекс. Он всегда так говорил обо всём хорошем. Ему можно было сделать замечание о том, что он каким-то образом умудрился перемазаться в земле, гуляя с дочерьми по саду, а он ответил бы, что чистота – для зависимых от чужого мнения слабаков. И так во всём и всегда.

Анна и Сапфирта тоже рассмеялись.

– Меня не оставляет ощущение, мама, что ты несколько кровожадна, – всё же сообщила Анна. – Больше того, я давно поняла, что в других семьях отношения между родителями несколько... иные. В школе меня всё время спрашивают: почему твои родители так ненавидят друг друга, но всё же остаются вместе? Зачем вне дома они притворяются влюблёнными?

– Ты могла бы спросить об этом у меня, – посмотрела на сестру старшая, Сапфирта. – Скажи всем в школе, что они не притворяются влюблёнными...

– Я говорила!..

– ...Но объясни, что им сложно ужиться друг с другом, потому что твои родители очень разные по воспитанию и характеру и принадлежат к разным видам человекоподобных. В такой ситуации ещё хорошо, что они не поубивали друг друга.

– Ты можешь умереть? – испугалась за приёмную мать малышка Шеридан. Её настоящий отец умер, мать не обнаружилась, девочка знала об этом, и совсем не желала терять новую маму. Пусть даже эта мама – крылатая.

– Я так не думаю, милая, – нежно сказала Бриана, проведя рукой по стекловидно гладким, зеленовато-чёрным волосам девочки-перевёртыша.

– Но однажды... – Сапфирта медленно отвела в стороны обе руки с раскрытыми ладонями, будто открывала перед собой двустворчатые двери. – Однажды... Анна ещё только появилась в этом доме, а мне было десять... я пришла домой как раз тогда, когда мама призвала меч, чтобы защититься. Папа так вспыл, что тоже призвал клинок, и они несколько мгновений сражались почти серьёзно...

– И что? – глаза девочек загорелись. – Кто победил?

– Любовь, – с толикой разочарования вздохнула старшая сестра. – Они начали целоваться и испортили всё зрелище.

Вся троица девочек-перевёртышей почти одновременно вздохнула. В обычных кланах перевёртышей, по достижении взрослости, чистокровные представительницы вида около двухсот лет служат пределу. Часто – мечом. И только показав себя сильной, умной и внимательной, женщина-перевёртыш могла стать сереной – матерью. И пусть для дочерей Санктуария всё будет совсем не так, тяга к оружию и опасным играм уже сидела в крови этих нежных созданий.

– Зачем тогда учиться фехтованию, если всё равно собираешься постоянно завлекать своего мужчину? – снова вздохнула Сапфирта.

– Понятия не имею, – ответила Бриана. – Меня всему учил мой отец. Я полагаю, от скуки.

– Роджер Кардиф? – удивилась Сапфирта. – Чего это он скучал? Таким типам, насколько я знаю, всегда найдётся развлечение.

– Он тогда опять наделал везде неприятностей и его никто не хотел видеть. Моя мама бросила его официально, и он взял меня с собой в Преви-Шедвард, чтобы отомстить ей, не иначе. А там во все времена была жуткая глушь.

– Повезло тебе, что он был отличным фехтовальщиком... – откровенно завидуя, проговорила Анна.

– Думаю, если бы я не знала этого, то не была бы настолько самоуверенной, что призвала меч против Алекса. Ваш папа о-о-очень сильный. Если бы я не сделала вид, что хочу, чтобы он поцеловал меня, у меня бы потом руки болели... хотя они и так болели. Сколько раз я блокировала его удар? Два раза? Один? А что было бы, если бы мой отец не достаточно много тренировал меня? Я могла пропустить удар, девочки. Даже его сдержанный по силе удар. И не стало бы вашей мамы в один миг.

– Он настолько сильный? – воскликнула Шеридан, привстав.

– Когда-то хвалился мне, что и вовсе самый сильный на этой планете. Но я в такое не верю. Этого не может быть.

– Почему? – заспорила Сапфирта. – Он прошёл через много битв. Может, и были те, кто сильнее, но он убил их, потому что сам не только силен, но и настоящий мастер. Результат один – он самый сильный. Среди живых, по крайней мере.

– Может быть и так, но все знают, что перевёртыши сильнее людей, а люди сильнее фитов. Но кто сильнее перевёртышей? Крылатые. Потому неизвестно, какова на самом деле сила вашего папы. Единый подарил ему способности крылатого, но подарил ли ему силу? Думаю, что нет. Она ведь зависит от природы тела, от мышц...

– Папа высокий и очень большой, – на свой лад вполне резонно отметила малышка Шеридан. – Он просто должен, должен быть самым сильным!

– Верно, – с серьёзным видом согласилась Бриана. И разговор завершился.

Высокий Алекс Санктуарий, более ширококостный и крепкий, чем крылатые, ростом уступал немногим перевёртышам и так же отличался от обоих видов очень заметной бугристостью мышц, и из-за этого отличия от других титулованных, да и членов принсипата, большинство привычно принимало его за странного крылатого. Однако люди, прекрасно зная, что он такой же, как они, побаивались Санктуария, видимо, судя о его самообладании по своему собственному. Но Бриана с успехом скандалила и побивала своего рослого супруга. И не потому что она крылатая, а крылатые ничего не боятся, нет. Просто Алекс, кажется, действительно

верил в то, что сила его духа измеряется в терпении. Но Бриана была хитра, каждый свой "выход" быстро продумывала и в последние три года научилась доводить супруга всеми возможными способами.

Бриане ещё нужно было переодеться к ужину. Девочки ушли. Сапфирта – тоже переодеться. Младшим известный лекарь Томас Пэмфрой запретил питаться под звуковое сопровождение из звона бьющейся посуды и криков родителей, а вот присутствия старшей дочери по разным причинам никто не стеснялся.

Ужин шёл именно так, как было рассчитано. Но, всё же, пришлось скорректировать поведение.

Сидя напротив своего мужа, и думая о том, что его золотые кудри, словно созданные Единым драгоценные кольца для её, Брианы, пальцев, она вспомнила их мягкость, затем пьянящий запах кожи Санктуария и, чуть было, замечтавшись, не провалила всю затею. Подумав, решила, что её вид, должно быть, совершенно не соответствует планируемому. Она должна была быть обижена, сердита, должна страдать от несправедливости. А она мечтает о том, чтобы раздеть обидчика своими руками и покрыть его тело поцелуями. Всё не так. В конце она разобьёт ту украшенную тарелку и убежит наверх, якобы плакать. Если она хорошо, прочувствованно сыграет, то Алекс не сможет оставаться дома. Тоска волоком потащит его из дома прочь.

Она дёрнулась, натурально порозовела и побледнела от собственных мыслей, и в тот момент это было к месту: перед Алексом уже довольно давно стояла та самая тарелка, и уже не только он всё прочёл и подумал о том, о чём должен, но и Сапфирта, и наследники, сидящие достаточно близко к нему. Мужчины подумали, что эрцеллет, слишком сконцентрировавшись на своей обиде, забыла, что хотела сделать принцу приятный сюрприз, забыла, что надо отменить подачу его человеческой еды к столу и не обратила внимания, когда её подали. Теперь она казалась им забавно-растерянной.

Сапфирта проявляла потрясающее уважение к игре матери и следила молча.

– Кэми, отдай псам еду принца, – повелела Бриана серву-фиту.

Кэмиркай медленно направился к Санктуарию, но старший серв Анмени остановил его. Анмени работал на Санктуариев больше ста лет и знал принца куда лучше, чем Кэмиркай, нанятый недавно.

– Ваше высочество, желаете поужинать сегодня в другом месте? – с поклоном спросил Анмени.

– Всё ещё нет, но эрцеллет, спору, доведёт меня до этого, – спокойно отвечал Алекс. В тембре его голоса Бриане послышалось нечто, обозначающее обычно трогательную нежность.

"Алекс. Алекс, какой же ты упрямец!" – подумала Бриана, чуть не растаяв. Хотя говорили, что принц Санктуарий не настолько умен, как прочие члены принсипата, недооценивать его нельзя. К тому же люди, всё-таки, иногда мыслят совсем нестандартно. Она даже не поймёт этого, а он уже разгадает её секрет и начнёт исподволь заставлять её делать что-то незапланированное. Что тогда он сделает? Заставит любить себя ещё сильнее? Это невозможно.

– Кэми, Ан, я просто хочу, чтобы его тарелку заменили. На этой – никому не нужная грязь.

– Прошу прощения, я не вижу ничего грязного, – как можно более деликатно произнёс Анмени. Эти слова мог сказать сам Санктуарий, но зачем, когда можно унизить её, заставив пререкаться с сервом? Это знал принц, это знал и Анмени. Бриану всегда бесило то, что какой бы ласковой и доброй она не была с этим сервом, он всё равно всегда вставал на сторону хозяина.

– Там этот ужасный соус, – пожаловалась Бриана. – Я же терпеть не могу его запаха. Я думала, вы знаете, дорогой Анмени.

Ещё два укола. Она назвала серва "дорогой", как никогда не обращалась к супругу. А ещё лишний раз подчеркнула, как тяжело ей было приготовить любимую еду принца, что увеличивало ценность, как труда, так и результата.

– Принц? – Анмени подошёл, но Алекс остановил его:

– Оставь, "дорогой Анмени", – выделил принц, чуть улыбнувшись.

И всё стало ужасно забавным.

"Выражение его лица не в пример редкое. Это как зачёт уколов у студентов академии. Он принял. Принял! Алексу на самом деле всё равно, что я не обращаюсь к нему банально любяще, а подумал другое... Это? А, быть может, он подумал вот так?.. Соберись, Бриана. Ты не можешь, не имеешь права улыбаться в ответ. Посмеёшься, когда всё будет кончено!"

– ...что даже если аромат несчастного соуса и доносится до эрц-принцессы, то его перебил запах её еды, – продолжал говорить Алекс, мягко сияя. – Вы посмотрите – она же ест жареных жуков, которые пахнут гарью, гретым металлом и чёрт знает, чем ещё! Как? Я спрашиваю, как она может вообще есть что-то подобное?

– К твоему сведению, островитяне-люди тоже едят жуков, – негромко сообщил Кристиан, не отрывая взгляда от своей тарелки. – Чёрт. И я сегодня. Тоже. Как в мой туанше-бэлл попал... клоп?

– Свалился откуда-нибудь, – предположил Бенедикт.

– Большой какой, – покачала головой Сапфирта.

– Прикажете заменить? – обратился к герцогу Рэйли Кэмиркай. Младшие фиты тоже были известны тем, что ели насекомых, но так почти никогда не поступали чистокровные фиты. Так что Кэмиркай искренне хотел помочь и был вовсе не готов к тому, что Кристиан, махнув рукой подосланному за тарелкой серву, демонстративно насадит на вилку вяло шевелящегося жука и с удовольствием захрустит им, откровенно выжидательно глядя на своего предка Санктуария.

– Сладенький? – с интересом спросила Кристиана жена принца.

– Мне не хорошо, – помутнев глазами, признался Алекс, когда его наследник кивнул. – Поеду в Сердце Цитадели. Вернусь... когда вернусь.

Он ушёл, и всё оставшееся время в столовой царил атмосфера веселья.

Кристиан иногда вставал на сторону Брианы. Сегодня – потому что заметил, как она машинально прикрывает одной рукой другую. Там, где начали проступать бледно-сиреневые пятна. Санктуарий не слишком нежно хватал её за запястья и удерживал, чтобы не сбежала от разговора – ничего особенного, и потому объяснения не в пользу Брианы. Верно, пусть холостые наследники полагают самое ужасное.

В один момент, когда после "зачёта уколов" и лёгкой улыбки Алекса, Бриана собирала всё своё умение сохранять спокойствие, у неё было чувство, что если она не справится и улыбнётся в ответ, то всё развалится. Тогда он поймёт, что она уже остыла после ссоры, и скажет какую-нибудь глупость. Тогда она рассмеётся, и он обогнёт стол, чтобы стащить её со стула и поцеловать. Жаль. Ей бы этого хотелось. Поцелуи Алекса чаще всего просто так не заканчиваются. Жаль.

Но в общем Бриана достигла цели: принца нет в Три-Алле. Убедившись, что Кристиан ушёл в свой кабинет перебирать бумажки, а Бенедикт отправился в дворцовую часовню, без усталости замаливать чужие грехи, Бриана и Сапфирта отправились в покои Алекса Санктуария. Очень тихо. Чтобы никто не заподозрил правды.

Аккуратно, со всеми предосторожностями, мать и дочь открыли самый глубокий, пахнущий деревом и какой-то химией ящик в секретере и достали с его дна особую тетрадь, чтобы унести её в спальню Сапфирты и кое-что проверить. Большая часть страниц в ней покрыта неизвестного вида письменностью. Новых записей в ней давно не появлялось. Вот и в этот раз то же самое.

Спальню Брианы Алекс несколько раз разносил в пыль и щепу, так что хранить там что-то хоть сколько-нибудь важное впредь – гигантская глупость.

Крылатая и девочка-перевёртыш за позапрошлый год перерисовали всё. Все тетради. Принц Санктуарий, скорее всего, использовал незнакомый Бриане язык, но и способ записи даже отдалённо не был похож на тот, который когда-либо использовали на Клервинде. Расшифровать никак не выходило. Но недавно Бриана прочла в одной книге, что по каким-то крохотным точкам на полях можно сообразить, как сменяется направление письма. Стало быть, если проверить... может что-то и получится, хотя Бриана в это слабо верила. За два года не вышло разобраться в закономерностях.

Но разгадать, о чём иногда пишет муж, Бриане всё же нужно было непременно. Может быть, там содержится что-то научное или говорится строго о политике? Но, может быть, Алекс пишет о своих самых страстных любовницах (вдруг о нынешних?!) или о бурном прошлом. Принц Санктуарий принадлежит к внушающему страх и уважение ряду древнейших, а они никогда ничего не рассказывали о себе. О членах принсипата знали только то, что написано было в учебниках истории, старинных эпосах, нежнейших поэмах и некоторых слишком фантастических легендах.

Одна из сестёр по отцу, Шайна, между прочим, предположила в письме, что Бриана нашла личный дневник Алекса. И там написано всё: и предсказания, поведенные ясновидящим Сапфиром, и тайны Рэйна Росслея – повелителя дождя, и что-нибудь о способах разбогатеть, и о боевых приёмах, и... Вдруг там есть информация о том, когда вернётся Роджер Кардиф? Он пропал бесследно пятьдесят шесть лет тому назад из-за неразделённой любви, но вдруг за его исчезновением кроется что-то серьёзное и ясновидящий принц Сапфир Сильверстоун поведал об этом Алексу? Может быть, он назвал год, когда отец Брианы и Шайны вернётся? Или то место, где он сейчас? Сам Сапфир говорил, что характер Роджера, его влюбчивость и изменчивость сами по себе не позволяют предсказывать его возвращение домой. Он не врал – это было видно по глазам. Но и всей правды не говорил.

Позже Сапфирта отнесла тетрадь на место и отправилась спать, поскольку время уже должно быть позднее. Бриана же разместилась на чердаке, прямо на деревянном, хорошо выметенном полу возле пары старых сальных свечей и целой россыпи черновиков с вариантами расшифровок. Утомившись ломать голову и в одиночку, и нет, элементарно устав от бесплодной умственной работы, Бриана откинулась назад, а затем и вовсе легла на пол, вытянув ноги. Ближайшие к себе окна крылатая занавесила, чтобы не было видно света с улицы, но одно окно, то, что ближе к дворцовому подъезду, открыла так, чтобы точно слышать, когда Алекс вернётся домой. Через дальнее незанавешенное окошко увидела звёзды. Представила себе, как супруг находит её здесь, и вместо того, чтобы допрашивать её о том, что это она здесь делает... ну, похоже, что она очень хочет сына или дочь.

Еле слышно зажужжали моторы – электромеханический экипаж Санктуария плавно вернулся во двор Три-Алле. Бриана вскочила как подброшенная и кинулась собирать листки. Собрала, всунула их в щель между одним из сундуков и стеной, и побежала вниз.

Алекс уже был в её многострадальной спальне.

– Где была, чёрт бы тебя побрал? – с ходу завёлся он. Одно дело – терпеть, в общем-то, заслуженные упрёки, но совершенно другое – не обнаружить жену в постели среди ночи и увидеть её глазами древнейшего через призму опыта: взъерошенную, слегка нервничающую и что-то скрывающую.

– Я? – Бриана в который раз пожалела, что мужу-человеку достались способности крылатого, и он видит её ложь, потому сказала правду: – Я была на чердаке. Ждала тебя.

Он сощурил глаза и подошёл ближе:

– Почему именно там?

- Захотелось.
- Почему на волосах пыль?
- Наверное, пол плохо подмела.
- Кто укладывал тебя на этот пол?
- Сама себя уложила, Алекс.
- Почему, чёрт возьми? Зачем тебе надо было там лежать?
- Захотелось.
- Вот так, внезапно? Пол тебе тоже захотелось самой подмести?

Бриана уже знала, к чему всё идёт, прокрутила в голове варианты и тяжело сглотнула. Алекс заметил это. Он стоял очень близко. Она подумала, что нет-нет – и всё может свестись к поцелуям:

– Я ждала тебя там, но, вовсе не прилипнув к окошку! Я открыла одно и слушала звуки. И, честно говоря, хоть по-началу я и чувствовала себя прекрасно, но прошло несколько свечей, прежде чем ты вернулся, и я устала ждать. Само собой, я легла.

– Могла бы приказать, чтобы принесли мебель.

– И в голову не пришло. Неужели ты будешь ругать меня за то, что мой поступок примитивен, и меня так легко удовлетворить малым? Ты – и будешь?! Ты – вождь, который не знал, что такое ботинки, спал на земле и сам себе ковал наконечники копий?

– Не понял, ты попрекаешь меня тем, что я родился в доисторическую эру?! Ладно, но ты же другая! Нет, я просто не могу с тобой разговаривать! – он схватился за голову и отошёл. Собрал кудри в горсти и сжал. Повернулся к ней, и, очень старательно сдерживая рвущийся гнев, объяснил: – Дело в том, что каждое твоё слово выводит меня из себя. Бриана, ты намеренно сказала это?

– Что?

– Ты сделала меня безумцем, опасаясь каждого твоего слова. Ты сказала "меня легко удовлетворить малым". Ночь, чердак, пыль на волосах и такие слова в конце. От тебя, плоть от плоти Роджера Кардифа.

Кроме того, что отец Брианы был хорош с мечом, он ещё и был легендарным соблазнителем. Его хитрый ум, его неувядающая невинность взгляда, непересыхающая жажда постельных удовольствий – кажется, что всё это разом унаследовала одна из его дочерей, и Алекс уже не раз проклинал родство жены с известным пропавшим маркизом. И если против упомянутых качеств в первые годы Алекс не возражал, то сейчас всё стало иначе.

Но Бриана сама привела к этому. Она надолго пропадала в личных библиотеках красивых и богатых мужчин в надежде отыскать ключи к рукописям мужа. А потом не говорила всего. Санктуарий не мог не ощутить этого.

И что сейчас сказать ему? Она много раз говорила, что ни в чём не виновна. Каждый раз он не видел лжи, верил, но знал, что всё-таки что-то ускользает. Слежка, если и была, ничего ему не дала, иначе он сделал бы что-нибудь.

– Посмотри мне в глаза, – попросила Бриана, подходя. – Я скажу тебе то, что и всегда. Ты поверишь мне, потому что я не солгу, и в остаток ночи мы...

– Скажи мне... скажи мне это, Бриана, – Алекс взял её за руки и притянул к себе ещё ближе. Заглянул ей в глаза. – Скажи скорее.

– Я люблю тебя.

Он смотрел так внимательно, что Бриана начала опасаться, что сейчас же раскроются все её секреты. Но в тот момент вся злость, сидевшая в Алексе, куда-то испарилась – он не увидел ни малейшей частицы лжи. Как и во все последние годы.

Как и во все последние годы, он унёс её в свою постель, не зная, по чему ступает: по твёрдому полу или по колючим и жарким звёздам, по водной глади лесного озера или по лепесткам нежнейших цветов.

Глава 2. Полсотни лет хранимое письмо

Бриана проснулась очень рано. Алекс просыпался строго за свечу до рассвета из-за старой привычки вставать на молитву. Он почти никогда не обращался к Единому теперь, но просыпался в одно и то же время всё равно. Кроме того, крылатая вышла замуж за человека, щёки и подбородок которого за ночь обрастали опасными колючками... и каждый раз, приближаясь к царству снов вновь после пробуждения, он тёрся щекой чаще всего об одну из самых нежных и мягких частей её тела, в которую предпочитал уткнуться лицом. Причём за прошедшие 32 года брака Бриана как только не относилась к этому факту и как только не боролась с бедствием. Всё закончилось смирением, потому как если ей случалось проснуться вместе с Алексом, после стольких лет она уже не могла сладко уснуть и до конца отдохнуть без ставших привычными ощущений... жестокого распилокалывания.

Хотя лучше бы он ласкался другим образом или хотя бы другим местом, так как этой ночью она не просыпалась с ним и не нуждалась в привычной формуле засыпания, а наоборот, спала, причём беспокойно. И когда одна из колючек уколола особенно сильно, угодив в неведомое уязвимое место, Бриана еле удержала вскрик. Получился писк, но Алекс, тем не менее, счастливо уснул, а вот Бриана – отнюдь.

Ночью снился отец. Слишком часто вспоминала о нём, мотивируя себя не бросать попытки расшифровать Алексову писанину – и вот, пожалуйста. Вечно словно бы невинный и юный, словно мальчишка, ищущий забав и приключений, как всегда весёлый и очень ласковый, он говорил ей что-то во сне. Что-то доверял и просил сохранить в тайне.

И теперь она чувствовала себя, как если бы ей дали в руки мечту и тут же забрали. Неопределённые высказывания Сапфира о возвращении любимого папочки Брианы наводили на мысль о том, что он может и вовсе не вернуться. Пробуждение вернуло все опасения.

...Но какую тайну?.. Может, дело в его последнем письме?

Пришлось как можно неслышнее прокрасться из спальни Алекса и покопаться в своих старых вещах, чтобы найти тысячу раз перечитанный лист бумаги с гербом Т-замка, центральной титульной собственности Кардифа, откуда он написал ей однажды. Впрочем, чтобы запутать следы, он мог специально послать серва за уникально оформленной бумагой. Но пятьдесят шесть лет тому фабричное производство наверняка ещё не пришло в себя после окончания войны настолько, чтобы печатать какому-то нищему маркизу, пусть и сыну предводителя крылатых, стильные завитушки на ароматных листках. А в самом Т-замке скорее всего не сохранилось ни одной целой чашки, не то, что книг или других вещей с Кардифским гербом и вензелем. Так откуда у него этот, похоже, раритет? Сомнительно, чтобы, словно ветром носимый из постели в постель, он имел при себе на редкий случай сохранённую бумагу.

Бриана вглядывалась и вглядывалась в текст, ища мелкие, ранее не замеченные знаки – это сто пятьдесят недель разгадывания тайнописи Алекса сделали её подозрительной и излишне внимательной там, где чаще всего это было не нужно.

"Милая малышка, с сожалением вынужден сообщить о том, что моё сердце разбито окончательно, и я не намерен больше держаться в семье одним лишь лицемерием. Пусть моё бегство трусливо и излишне скоропалительно, но опасаясь навредить тебе и окружающим видом, разлагающим надежды, раздражённым и скорбным, я с твоего благословения или же равнодушия, прощаюсь, быть может, навсегда".

– Животное, – вырвалось у Брианы.

Сколько, должно быть, подобных писем он отправил по разным адресам, нисколько на самом деле не заботясь о чувствах получательниц.

"Не намерен, держаться, лицемерием, равнодушия, навсегда!" – дочь выделяла про себя особенно ранящие слова отца и повторяла их до тех пор, пока яркость впечатления об отце, как о хладнокровном гаде, не угасла.

О Роджере Кардифе и его способности походя разбить женское сердце написали две книги ещё до войны. И он с самой юности был таким.

"Так постойте!.." – встрепелась Бриана, когда новая мысль пришла ей в голову. – "Здесь же нет имени! Он мог написать это письмо из Т-замка в любой из прошедших веков любой из своих жён, даром, что не моей матери. Но если он не гостил у предыдущего маркиза Кардифа, то это значит, что он был в дефферранском Сильверхолле, в своих покоях. Там столько всяких бумаг, писем и схем, что он без особого труда мог найти подходящий экземпляр для отправки любой из его лапочек, красавиц, птичек и конфеток! Да он просто!.. Вот же!.."

Крылатая поскорее выкрутила электрический свет на всю мощность и подняла письмо как можно выше. В одном месте плотная волокнистая бумага действительно странно сильно просвечивала – как раз там, где подписывающийся должен был бы поставить дату. На имя она сама пролила шоколад, и он растёкся лилово-коричневым пятном, но всё равно Бриана точно помнила, что в подписи значилось полное имя отца – Роджер Соул Сильверстоун, маркиз Кардиф. К тому же сохранились нижние линии первых двух заглавных букв.

Но маркизом Кардифом он стал к концу войны, когда большая часть Сильверстоунов уже покоилась с миром. До войны он подписывался как баронет Шели-Шедвард. Значит, он либо присвоил себе личные вещи погибшего дядюшки Фердинанда, едва успевшего вступить в права владения Кардифскими землями, либо отправился в Т-замок перед самым исчезновением. А вдруг он где-то там?..

За её спиной прошелестело нечто на грани слышимости. Бриана уже была готова к чудесному появлению родителя возле дверей, но это был полуголый Алекс, и он посмел выхватить письмо из её рук в те мгновения, в которые она предавалась глупым мечтам.

– Что это? Чем это ты здесь занята?

– Лучше отдай! – занервничала она. – Ты опять всё не так поймёшь!..

– Ну нет, что тут непонятного! – воскликнул Алекс, пробегая глазами по строчкам. – Тебя бросил какой-то психопат-неврастеник. Поскольку твой бывший муж таким быть просто не мог, а почерк единственного значительно безумного в этом городе я знаю, то, полагаю, это кто-то другой? Но разве ты была замужем ещё раз?

– Психопат-неврастеник? – словно оглушённая переспросила крылатая.

– Ну конечно! Идём, я кое-что покажу, – Алекс подвёл её к бюро и быстро написал несколько слов в три строчки. Затем положил рядом бумагу из Т-замка и попросил сравнить.

Она тысячу раз раньше видела почерк Алекса, и из них девятьсот девяносто раз смотрела на его тайнопись. Но на крылофитском он писал... потрясаяще красиво. Крупные буквы читались идеально, и пусть к низу появлялась угловатость, но все завитки идеальных пропорций и гармонично округлы, наклон и нажим – всё настолько хорошо, насколько это возможно.

Письмо отца рядом с примером почерка Алекса больше выглядело издевательством, причём весьма изощрённым, над читающим: строчки пытались забегать одна на другую и в конце сползали вниз, излишний наклон иногда заставлял заваливаться буквы, а иной раз характер неожиданно исчезал и всё письмо даже слегка приглаживалось в противоположную сторону. Написанное при этом всё же напоминало обилие игл и бисера, с определённой долей вкуса разложенных по бумаге. Его почерк мог быть красивым, и раньше точно таким был – в нём чувство прекрасного никуда не исчезло, и следы его остались. Но Алекс был прав – выписывал всё это маркиз Кардиф либо с закрытыми от усталости глазами на пределе возможной скорости и из последних сил, либо в состоянии худшем, чем нервный срыв после эпизода попыток нефизического свойства. Об этом, правда, и намекало содержание письма. Стало быть, он ещё старался, подбирая слова, не показаться тем, кто готовится к самоубийству.

Но разве хладнокровный сердцеед мог испытать что-то настолько разрушительное? Разочарование, крушение надежд – мог, но чтобы они были связаны с безответной любовью? Нет!

– Кто он? – вдруг подался к письму Алекс, склонившись как можно ниже. – Этому парню нужна помощь Пэмфроя. Причём срочно.

– Письмо старое, не видишь?

– Тогда какого чёрта ты разглядываешь его теперь? И в такое время?.. Так. Ты расскажешь мне всё или я!.. О, нет, это же...

Внезапно Алекс начал хохотать. Громко, оскорбительно, злорадно, с наслаждением – он только что понял, что жена не ностальгирует по прошлым отношениям с каким-нибудь мужчиной, а грустит по пропавшему папочке.

– Так это твой отец!.. – услышала Бриана.

– Ему было паршиво... – медленно проговорила она, протягивая руку к бумаге. – По настоящему паршиво. Не до шуток.

– Мне тоже иногда так паршиво, – покачал головой Алекс. – Правда, только от того, что я состою в браке с тобой.

Бриана бросила на него безразличный взгляд.

– Я привыкла думать, что он не способен так убиваться из-за чего-либо и уж тем более не из-за женщины. Он терял крылья, оплакивал жён и сыновей, и скоро уже весьма бодренько тренировался и бегал на свидания. А теперь мне кажется... ох, я его совсем, совсем не знала!

– Думаю, всё не настолько плохо.

– Но он до сих пор не вернулся! Полвека прошло!

– Уверен, этому есть объяснение.

– Какое? – с долей возмущения воскликнула Бриана. – При всём его бесчестном поведении иной раз, он не мог бы позволить себе пропустить нападение перевёртышей на Клервинд!..

– Он мог сражаться в рядах ополчения, скажем, высветлив волосы, чтобы его случайно не узнали.

– ...И сколько уже было отражено атак извне, а о нём или хоть ком-то необычно хорошо фехтующем не появлялось известий! Слухи о талантливых мечниках распространяются не быстро, но всё же!.. Если ты что-то знаешь, Алекс... – но едва она начала, как в глазах супруга возникло "то-самое-выражение-номер-три". Оно означало, что он знает, что ей будет неприятен его отказ говорить на эту тему и потому его высочеству соответственно не радостно отказывать ей. Но он, к сожалению, ничего не может сделать для улучшения ситуации, по тем причинам, которые ей уже не раз озвучивал, но она из упрямства не хотела их принять.

Алекс Санктуарий состоял в высшем совещательном органе планетарной империи и определял судьбы наравне с ясновидящим предком Брианы, Сапфиром Сильверстоуном, и с другими древнейшими пробуждёнными и их регентами, с командующими войсками, а так же лидерами перевёртышей и фитов. Если информация о Роджере Кардифе касается дел государственной важности, член принсипата не выдаст её. Даже если он, один из древнейших, принц – только человек, и испытывает слабость к ласке, красоте и хитростям своей жены.

– Сапфир не отпустит его в мир иной, дорогая, – уговаривающе-успокаивающим тоном начал Алекс, и его эрцеллет сомкнула веки, готовясь либо врезать, либо закрыть ещё и уши, потому что всё это она уже слышала. Слышала последним, прежде чем отступала в их прежних спорах. – Твой папочка "запасной вариант" старого принца на какой-то ужасный нежелательный пример дальнейшего развития событий.

А вот этого ещё не было произнесено вслух. Бриана тут же открыла глаза.

Однако подобная мысль витала в воздухе. Конечно, как-то неестественно, что лучший фехтовальщик крылатых, по слухам довольно задиристый, бесследно исчезает сразу после войны, когда у многих южан и северян ещё так много поводов для взаимной кровавой мести. И это при том, что именно тогда древнейшие решили построить крепкий и дружный единый мир.

– А то, что он сам сейчас в ужасной ситуации и его никто не ищет десятки лет, а потом собираются в один момент бездушно использовать – это как? Как это называется?!

– Если его сердце действительно разбито, как он написал, то мы ничем не сможем помочь ему. Да и... – Алекс осёкся, отвёл взгляд, задумался, прикусил губу.

Крылатая бы всё отдала за умение читать мысли. Но из принца не вытрясти правды. Принцы – не изнеженные мальчики, воспитанные в сознании долга перед страной. Нет, принцы этой империи – ветераны всех возможных битв. Ну, кроме принцев крови. Тем только битвы умов приходилось выдерживать.

– Все знают про переселение на другую планету. Может быть, он объявится до срока? – предположил Алекс, пока Бриана, демонстрируя потухший вид, обратно прятала письмо отца.

– Он не знает, на какую именно.

– И, потому, уж точно объявится.

– И, потому, уж точно погибнет, если он в ловушке или спит.

Пауза.

– Идём и ещё пару часов поспим? – предложил Алекс.

– Солнце уже трудится во всю, – несколько приврала Бриана, – а раз так, то и мне надо.

– И чем же ты будешь заниматься, эрцеллет-принцесса? – с насмешкой спросил человек.

– Если ты будешь спать, то у меня не будет выхода и придётся портить жизнь кому-то другому. Есть у тебя какие-нибудь другие планы на утро, кроме беспробудного сна в стиле богатого бездельника?

– Меня очень пугает то, что ты серьёзно говоришь это. Раньше мы, помнится, только шутили.

– И я раньше только шутила. Но сейчас мне не дали конфетку и я собираюсь...

– Я дал тебе конфетку! – заспорил Алекс. – Я сказал тебе, что Кардиф важен для Сапфира и он...

– Да-да. Только вот к этой мысли я и сама приходила раньше.

– Моё утверждение истинно, а значит, что твоя мысль перешла из категорий возможных заблуждений в ранг опорной аксиомы. Хвали меня, – и он развёл руки широко в стороны, как будто ждал, что его забросают лепестками благоуханных цветов.

– О, ну конечно, – мрачно признала Бриана и подошла, чтобы прикинуться и с деланным благоговением поцеловать куда придётся.

Она отошла, но он ещё стоял с поднятыми руками с тем же выражением лица.

– Тебя не проведёшь, – протянула крылатая и вернулась, чтобы посвятить ласкам больше времени и приложить больше усердия.

– Другое дело, – прошептал он, обнимая и целуя её лоб.

Глава 3. Друг её отца

Четвёртый день недели. Бриана очнулась от приятного состояния расслабленности эрц-принцессы, сидя напротив герцога Элайна. Шоколад, беседа, Шип Валери и трое старших драконов Классика. В обществе Ньюна существовали господа, которым Бриана была по-своему очень интересна. Все говорили, что у неё бывает "особенный взгляд" и он-то и продолжал привлекать тех немногих, кто не испытывал дискомфорта рядом с женщиной, способной врать, вместо того, чтобы сделать замечание и дать оправдаться. Этот особенный взгляд едва ли выдерживал сравнение с кареглазым взором принцессы крови Эссы Бесцейн – у той глаза словно излучали свет, радостный и яркий, изредка чуточку лукавый. Бриана Санктуария так же могла излучать радостный и яркий свет, вот только всегда не без лукавства, и всегда к этому сочетанию прибавлялась сотня-другая крошечных чертенят. Сочетание это многим крылатым казалось смущающим, а некрылатые по какой-то причине Бриану обходили стороной, скорее всего побаиваясь. Впрочем, Уоррен Элайн был другом Кардифа с самого детства и в его дочери скорее видел что-то необъяснимое, ему приятное или необходимое. Взять хотя бы тех же чер-

тенья в невинном чистом взгляде голубых глаз Роджера Кардифа. Что до других гостей... Шип Валери в некотором роде приходился ещё и сыном Элайну и естественно тянулся к нему и к его привычкам. Драконы Классика... казалось, они просто составляли компанию Шипу Валери, но их внимательные, видящие что-то недоступное остальным глаза, слишком уж часто возвращались к Сапфирте, если она появлялась в нижних гостиных. Похоже, они приходили посмотреть на неё. Оно и понятно. Принц-перевёртыш Хоакин, по прозвищу Классик, и Сапфир Сильверстоун веками враждовали, и если сейчас не пытались друг друга убить, то условия их видимого мира только богу, пожалуй, ведомы. Сапфирту ещё совсем маленькой девочкой назвали в честь ясновидящего после того, как он предсказал нападение её родного отца на планету, то, что девочка осиротеет, и то, что Санктуарий удочерит малышку. И всё-таки здесь тоже что-то не так. Что-то странное. Но Бриана сейчас думала не об этом.

Ей захотелось бросить этих господ и начать делать что-нибудь. Потому что тайнопись не поддаётся расшифровкам и разгадкам и пора оставить эту затею... Хотя что-нибудь настоящее, хотя бы начать растить цветы как сестра деда, Берилл. Или, быть может, помогать нищим, как Моргана, Красивейшая из женщин. В предыдущем браке у Брианы совсем не было времени на неспешные беседы – её Ил'Майр унаследовал от своего отца ферму, и, когда мужчин забрали в ополчение, ей приходилось слишком много работать в полях. Но замужем за принцем ей полагалось посвящать всё свое время единственной вещи. А именно: бегать вокруг знатного супруга на цыпочках и всячески любить его и лелеять, так как древнейшие весьма разборчивы практически в каждой из сторон жизни из-за огромного прошлого опыта. Ну, и, при всех возможностях принца, Алексу ничего не стоит однажды "заменить" жену на ту, что будет более ласковой и послушной. Так что Бриана весьма рискованно вела себя, годами отказывая Алексу в такой жене, на какую он рассчитывал, венчаясь. Но он всё ещё любил её.

– Вы как-то не казались сегодня задумчивой, – привлёк внимание Брианы дракон Микаэль. – Но теперь переменялись.

– Знаете, как это бывает?.. – очнувшись и вздохнув, подняла глаза Бриана. – Внезапная ассоциация порождает поток мыслей... и уносит внимание прочь от, скажем, первого впечатления.

Уоррен Элайн улыбнулся. Ему всего-то тысяча лет, но почему же так хочется назвать его мерзким старикашкой за былую дружбу с её отцом?

– Вот опять! – воскликнул Валоад. – Вы снова задумались о чём-то далёком от темы.

Уличённая, Бриана потрясла головой и смущённо рассмеялась вместе со всеми. Это было мило и глупо. Но Бриана и вправду смутилась.

– ...И всё же нельзя не отметить, что манифестации протестующих квартирианцев слишком уж невыразительны, – перестав ухмыляться, продолжил говорить Микаэль. – Мягко сказано – невыразительны. На самом деле речи их запутанны и кровожадны, а чётких, продуманных задач, они, как будто, и не думают ставить.

– Попробуй разбери их, – кивнул Шип Валери.

Бриана опустила глаза и медленно водила кончиками пальцев по рисунку бархатом на юбке. Её смущало и беспокоило всё происходящее снаружи дворца, но ещё сильнее смущало то, что метакарта среди новостей показывала свидетельства её скандалов с Санктуарием. Например, существовал слепок вылетающих из окон Три-Алле вещей. Бриана почти кожей ощущала осуждение женщин и мужчин. Ведь Алекс был довольно мирным существом, его знали в Ньоне. А раз так, то, значит, скандалистка Три-Алле – только Бриана. Особенно тяжело было выдерживать мягкие наставления жены деда – идеальной герцогини Сильвертон. Хотелось рассказать ей свой план, однако риск нарваться на полное непонимание был довольно велик. А если и так, само желание обелить себя перед окружающими совершенно бесполезное. Ведь не станет же она рассказывать всем подряд сущность своих замыслов, кажушимся результатом которых стали шумные скандалы с беднягой Санктуарием!

– Это говорит об их разрозненности и отсутствии лидера, – продолжал обсуждение Элайн. – Большое упущение для тех, кто хочет чего-то добиться.

Валоад принялся спорить и защищать выступающих квартерианцев, но Бриана, даже изо всех сил стараясь слушать, теперь снова была занята другим. Тем, чему, единственная из присутствующих, стала свидетельницей благодаря расположению её кресла, обращённого к дверям.

Бенедикт, войдя в гостиную, остановился и стал по возможности бесшумно пятиться обратно, благо его ещё не заметили. Как духовное лицо высочайшего ранга, он боялся запятнать душу и разум малейшей несправедливой мыслью, и, чтобы точно избежать мелочного, но всё-таки, падения, кардинал церкви Единого не допускал своей встречи с Элайном.

Какой крылатый мог быть другом Роджера Кардифа? Конечно же, мужчина, не менее развращённый, чем знаменитый сердцеед! Можно было бы утверждать иное, но герцог Элайн ко всему прочему был ещё и пагубно хорош собой. Почти настолько же совершенной красоты, как принц Даймонд Лайт из Си, Элайн со всей гармонией линий и пропорций лица и тела, сиянием, излучаемым им, с редким оттенком глаз, элегантностью, особым умением держаться, и, чёрт возьми, действительными достоинствами личности, не казался недостижимым, однако... Легко проводилась жирная черта между двумя самыми красивыми мужчинами империи и всеми остальными, тоже в достаточной степени привлекательными и выдающимися. За титул третьего красивейшего боролись с переменным успехом разные мужчины, и мода, эстетика вкуса и культурные новшества взглядов часто переводили фокус внимания с одного представителя сильного пола на другого. Но ужасно очевидным оставалось одно – сколько не вздыхай по определённому типу внешности, а Элайн и Даймонд Лайт всё же недостижимо хороши, их лица совершенно невозможно забыть. Этим часто пользовался принц Хайнек Вайсваррен. Пожелай он заставить всех мужчин империи носить юбки, он оденет соответствующим образом Элайна и Лайта и прочие, желая выглядеть так же прекрасно, откажутся от брюк.

Но было немало отличий между двумя красивейшими мужчинами. Так, если известно было, что принц Лайт не подпустит к себе любую женщину, то Уоррен Элайн свободно подпускал. В общении он казался мягким и умел казаться своим и среди серветок. Он вызывал доверие. И, пожалуй, наслаждался обожанием леди вместо двадцати менее удачливых мужчин. А в последние годы слухи упрямо твердили, что Элайн особым образом сблизился ещё и с мальчишками-двойняшками из клана Росслеев. Так это было, или нет, но что бы ни говорили у Элайна за спиной, а двери перед его носом всё так же распахивались – никто не смел отказать в дружбе единственному наследнику принца Рональда Мэйна.

Держа всё это в своей голове, Бенедикт, кардинал Гурана, счастливо скрылся.

– И снова вы не слушаете, – отметил Валоад. – Что вас тревожит? Вы... думаете о... м-м-м... об отце Бенедикте?

– Да, – отозвалась смущённо Бриана. Она иной раз забывала, что драконы совершенно другие. Они знают в чём-то больше, а в чём-то меньше чистокровных. Иной раз кажется, что они читают мысли, видят души, знают прошлое и будущее, словом – маги!..

– Кстати, об отце Бенедикте... – подхватил Элайн. – Дорогая Бриана, уверен, что измучил тебя своими просьбами, но устройство моей с ним встречи не окончится ли свершением в ближайшем будущем?

– Полагаю, это в такой же мере проблематично, как и возобновление открытого дружеского общения между тобой и дядюшкой Брайаном. Зато я слышала, что всюду тебя ищет принц Вайсваррен.

– Он хочет, чтобы я обнажался для публикации в его метакартных журналах, что я считаю недопустимым.

Бриана еле проглотила едкий вопросец, обратив внимание на драконов, каждый из которых оглянулся на двери, словно в ожидании, а Элайн продолжал:

– Едва увидите его, сообщите, чтобы я мог скрыться.
– Не беспокойтесь... – Бриана снова осеклась, но в этот раз поражённая странной догадкой: – Однако что вы будете делать, если он прямо сейчас зайдёт в эту дверь?

– Прямо сейчас?

– Да.

– Что угодно. Могу даже в окно вылезти. Он бывает невыносим, понимаете?

– Тогда... сейчас. Лезьте сейчас.

Элайну достаточно было только один раз оглянуться на входящего и узнать в нём принца империи Хайнека Вайсваррена, чтобы, торопливо бросив "До встречи!", действительно оказаться возле окна, а затем и за ним.

– Ваше высочество, – встала и присела в реверансе Бриана.

– Эрцеллет, – проронил Вайсваррен. – Я по делу к Алексу, но узнал, что его нет. Не намекаете ли, чего он хотел?

– Не имею представления.

– Удаляюсь, но прежде прошу передать Элайну, что его оконная выходка мне понравилась.

– С большим удовольствием. Она и по мне тоже хороша, раз всё ловко, быстро сделано и никто не в обиде.

Едва Вайсваррен оценил её слова, прошёлся по Бриане одобрительным взглядом снизу вверх, попрощался и повернулся к выходу, как навстречу ему из дверного проёма выступил искомый принц Санктуарий. Они даже слова друг другу не сказали. Алекс сделал движение рукой в сторону кабинета, и принцы молча ушли.

Алекс и Хайнек шли в полной тишине. Дойдя до кабинета, заговорили:

– Ну и что же?

– Нет новостей. Однако Игрейна необыкновенно воодушевлена и деловита.

– Мой древний битый нос чует беду.

– Интересно лишь то, как скоро?..

– Все, наверняка, задаются тем же вопросом?

– О, да. Не терпится увидеть, как Чёрный Блок скомпрометирует себя. Насколько уверены они, что добьются положительных результатов!.. Принцы-перевёртыши прямо-таки излучают мягкий свет. За исключением Ханта, но с ним и так всё ясно.

– Бедолага. Угрозило же его.

– Судя по твоему тону, это тебя угрозило. С эрцеллет, как я понял. Она слишком умна на твой вкус?

– Не настолько, – поморщился Алекс. – Дело в её характере и воспитании. Из-за них, а не из-за наличия мозгов убить хочется, ты не находишь?

– Так ты по этому делу меня позвал, – понял Хайнек.

– Нет, на пару бутылок крылоскола, – Алекс то ли язвил, то ли действительно предлагал – Хайнеку не стало яснее, потому как хозяин низко опустил курчавую голову, опершись о край стола бедром.

– Не пью крепких, – всё же на всякий случай ответил гость, самостоятельно выбирая подходящее кресло.

– Прости. Не тот день, полагаю?

– Очень не тот день. Море образов-идей в голове. Надо хотя бы наброски сделать.

– Тогда задерживать не стану – у меня сегодня мысль несложная, – Алекс сперва подождал, когда Хайнек сядет. – Я хочу убить свою жену.

– Мог бы устроить всё, но как крылатому, мне настолько претит задумка и воплощение, – растягивая слова, проговорил невозмутимый Хайнек, – что, случись с Брианой любая странная неприятность, напомню тебе твои слова в зале с розой.

– Я позвал тебя не для того, чтобы просить сделать это за меня. За этим-то как раз дело не встанет. Проблема в том, чтобы не допустить этого. Мои глаза, знаешь ли, не показывают ярость переменной цвета, как у вас, крылатых. Потому, когда я не реву, как дикий зверь, Бриана, возможно, думает, что ей ничего не угрожает. А мне приходится спасать себя и её побегом из дома. Я действительно хочу убить её иной раз. Очень сильно.

– Создать тебе перстень, избавляющий от жажды убийства?

– Нет, лучше пошей ей тряпок, которые бы запретили вызывать ей мой гнев.

– Здесь надо разбираться в душевных тонкостях. Поговори сначала с Пэмфроем.

– Не хочу. Я хочу увидеть на ней платье редкого оттенка и точно знать, что пока она в нём, ей ничто не грозит с моей стороны по той причине, что она ничего не учудит.

– Ты ставишь меня в неловкое положение, Алекс. Я бы лучше открыл ей глаза на действительность, чем занимался тем, чем ты мне предлагаешь. И, чем ты собираешься платить мне! Деньгами?

– Да.

– У меня хватает денег. Не они мне нужны.

– А что тебе нужно?

– Заставь Элайна позировать для слепков на летшары. И тогда я не расскажу Бриане о возможном убийстве.

– Бриана и так должна понимать, что то и дело ходит по краю. Ты её не удивишь.

– Апеллируешь к её уму? А я бы к чувствам...

Алекс коротко вздохнул, сердясь.

– Пошёл вон, – наконец сказал он. Хайнек остался на месте.

– Я не собираюсь создавать тебе ворох проблем, Санктуарий, – протяжно заговорил Хайнек. – Однако ты должен понять, что пора решать дело до конца. Помнишь, как полностью пропустил первые дни защиты Клервинда в девятом году? Это же произошло из-за Брианы. Из-за дрянного характера, а не из-за её любви к тебе, как ты считаешь.

– Знаю. Она к тому времени давно вышла из возраста, когда крылатые дамочки способны на отчаянные глупости из-за любви.

– Вот-вот!.. Сколько ещё таких глупостей, таких выходов будет? Реши с ней всё до конца или оставь, если она мешает тебе жить достойно.

– Было бы над нами чистое ночное небо, я бы тебе показал, вслед за какой звездой полетели все твои слова.

– Стало быть, я далеко не единственный, кто даёт тебе такой совет?

– Именно потому я вынужден подыскивать всё более уникальные варианты фразы "иди ты к чёрту со своим мнением, приятель".

– Ха... Итак, ты настаиваешь на своём?

– Да. И буду настаивать.

– Отлично. Элайна мне, перевязанного лентами! Это всё, чего я хочу.

– Твоя идея отдаёт смрадным душком.

– Почему же?

– О нём говорят, что он развратничает с сыновьями Рэйна и ведь все трое каким-то образом обходятся без женщин вовсе, что дополняет слухи. Я в это не верю, но половине модников, просматривающих твои журналы, так или иначе западёт в голову отвратная мыслишка.

– Надо всего лишь очистить его имя. И ему польза, и мне по вкусу.

– Сложно и долго. Лучше займись спасением жизни моей жены.

– Но где в деле спасения жизни твоей жены я получу чистое удовлетворение от сознания верно и хорошо проделанной работы? Ты ничего не добьёшься этим и проблему не решишь.

– Зато она будет жива.

– Хочешь сохранить ей жизнь, верни её туда, откуда взял. Или отдай мне.

– Вырвалось, да? – вкрадчиво заговорил Алекс, заблестев глазами. – "Брось её, брось, такая умная, красивая и страстная женщина тебе не пара. А как бросишь, скажи куда, а я подберу, да и утешу её, чем смогу". Не так ли? Вот что у вас у всех творится в головах?

– Но, позволь заметить, среди древнейших слепцов нет, – рассмеялся Хайнек, не пытаясь ничего отрицать. – Твоя жена – красавица с ярким, я бы сказал, интересным характером.

– Убирайся из моего дома. А я подумаю, что можно сделать с подгнившей репутацией Элайна.

– Буду ждать, Санкти.

Едва Алексу повезло остаться с женой наедине, как она испортила все его благие намерения, со смехом и заигрываниями уведя в постель в приёмное время.

Кэмиркаю пришлось долго стучать, чтобы добиться ответа и доложить, что снова приехали гости и требуют внимания.

– Давай уедем от них, – предложил Алекс, повернувшись так, чтобы хорошо видеть её красивое лицо. Черноволосая крылатая – это предельно редкое, удивительное явление вселенной и потому никто не превозносил внешность Брианы должным образом, но Алекс прекрасно понимал, насколько великолепна его жена.

– Нет, – не моргнув глазом, ответила она. Её ладонь прошлась по груди Алекса, плечу и руке.

– Почему?

– Тебе станет скучно. Когда ты оказываешься самым умным на всю округу, то чувствуешь себя преотвратно. У тебя пропадает вкус к жизни. Я замечала в тебе это.

– А в Ньоне, хочешь сказать...

– А в Ньоне ты иногда разыгрываешь идиота перед другими древнейшими и тебе весело. А ещё здесь есть император. Мне кажется, что он нравится тебе.

– Мне хорошо знакомы его чисто человеческие стиль жизни и образ мыслей...

– И он тебе нравится, – добавила Бриана и прижалась к нему бедром.

– ...Как может нравится, скажем, земляк. Он – свой, и всё тут!

Бриане с её сонным и почему-то встревоженным видом пришло в голову поцеловать его и в спальне ненадолго стало тихо.

– Меня беспокоит Элайн, – нахмурившись, чтобы показать, насколько сказанное важно, проговорил Алекс. – Пора очистить его репутацию.

– Это невозможно. Мужчина сам прекрасно очищает свою репутацию, когда женится на хорошей женщине.

– О, но попробуй заставь Элайна жениться. Это же просто невозможно, а?..

– Да и если бы всё это было настолько уж необходимо, то, пожалуй, этим бы занялся сам принц Мэйн.

– Думаю, Мэйн не станет этим заниматься. Сказать в чём дело, конкретно, не смогу, но есть такое впечатление. Хотя в наследнике своём он души не чает.

– И, в результате, больше всех заниматься обелением и так со всех сторон прекрасного Элайна нужно именно тебе?

– Он же старый друг твоего отца!

– Мой отец, знаешь ли, был негодяем.

– Нет, он был весёлым пареньком, любителем развлечься на разные лады. И, кстати, порог откровенных извращений он в том никогда не преступал. Единственное, за что я бы ему врезал?.. Да за твоё воспитание, дорогая эрцеллет.

– Тебе меня не переубедить. Мой отец – кошмар абсолютно всех женщин. Это мне он настрочил письмо сам, своей рукой, а большинство леди не были удостоены такой высокой чести...

– Секретарю поручал свою переписку? О. Но если даже так, то как тогда разобраться с Элайном? Поговорить с ним и двойняшками начистоту?

– Для начала. Вообще странно, что никто до сих пор не решился этого сделать.

– Полагаю, всем нравится думать, что второй красавец империи, он же герцог и генерал одного из отделений иррегулярных войск, хоть в чём-то плох.

– Могли бы заподозрить его в чём-то менее отвратительном.

– Таковы... Впрочем, как раз Игрейна могла ради смеха бросить Элайну в лицо это предположение.

– Или, увидев, как переглядываются двойняшки и Элайн, такое могли подумать господа перевёртыши. Мне в голову ничего подобного не пришло, когда я впервые увидела их вместе. Я подумала, что у них просто есть общие секреты.

– Все так подумали. Просто перевёртыши... у них есть это... случается... ну, между мужчинами. Вот они сразу же об этом...

– Ты говорил, что и у людей... Кэмиркай снова скоро придёт стучать. Пора спускаться к гостям.

– Хм... как насчёт того, чтобы ты поговорила с Элайном?

– Ты считаешь, перекладывать на меня это... разве не возмутительно?!

– Чутьочку. Но он друг твоего отца. Твоего.

– Алекс, – Бриана произнесла его имя, сопроводив его угрожающе-укоряющим взглядом.

– Буду должен. К тому же я возьму на себя двойняшек. В конце концов, они сыновья моего друга. Моего.

– Хороший из тебя друг получился. Рэйна поставили памятником на площади, а ты и слова не сказал.

– Он был опасным безумцем и не всегда хорошо скрывал это. Помнишь тот скандал с графиней Райенгот, о котором судачили в те дни, когда мы познакомились? Он просто вытер лицо подолом её платья! Потому что оно было слишком белым. Невероятный придурок. К тому же в те времена я не прекращал думать о тебе, и всё в моей жизни было не так важно...

– Х... хорошо, все остальные мои аргументы после твоего высказывания о том, что ты думал обо мне, естественно, теряют смысл. Так что... да, посмотрим, что из этого выйдет.

Глава 4. Обретая веру в причастных

Алекс шёл под сводами дворца Росслеев и думал о том, что не был здесь с начала эпохи Террора Сапфира, которая началась 33 с половиной года назад, когда Рэйна по слову ясновидящего заточили в камне. Мелисса Сильверстоун, другой друг Рэйна, наоборот, после того ужасного весеннего дня, стала бывать во дворце Росслеев всё чаще и чаще. Она страстно осуждала Алекса за безучастность к произошедшему с Рэйном и наверняка двойняшки, ещё в детстве попавшие под её влияние, теперь так же хранят недоброе.

Наконец Алекс предстал перед наследниками Рэйна. Перед тремя. Старший, красноволосый Феррон Элстрэм, всё ещё считал своей обязанностью защищать двойняшек. Двойняшек, таких хорошеньких, что ещё недавно их путали с девушками, и только теперь, по достижении ими взрослости – перестали.

Выгнать Фэра Элстрэма будет не просто, если только он почует угрозу младшим братьям, пусть он им не настолько родственен, насколько большинство думает. Интересно, двойняшки и сам Фэр уже знают об этом?

Беловолосый и желтоглазый, Тайлер Сидмор смотрел на Алекса на редкость ясным, чистым, омрачившимся только на один краткий миг, отдохнувшим взглядом.

Очень похожий на брата, но синеволосый и синеглазый, нынешний представитель Рэйна в принсипате, Мэлвин Дануин улыбался, но взгляд его метался по гостиной.

Стало быть, двойняшки в более или менее хорошем настроении.

Отчего тогда Фэр кажется таким хмурым?

– Помнится, я сообщал, что разговор у меня только к двойняшкам, – атаковал Алекс, усаживаясь в ближайшее кресло. В библиотеке дворца, где Алексу с Рэйном случалось засиживаться, у гостя и у хозяина имелись любимые кресла. Интересно, их сохранили? Тридцать три года прошло, как будто.

– У них от меня нет секретов, – парировал Фэр.

– Сейчас узнаем, так ли это.

– Это так.

– Не боишься узнать, что ошибаешься?

– О, нет. Бояться узнавать что-то уже давно не в моих правилах.

Алекс медленно склонил голову набок. Стало быть, Феррон уже знает, что на самом деле не сын Рэйну в том смысле, в котором думал. И тот факт, что молодой герцог сейчас косвенно заявил об этом, означает, что он несколько напуган внезапным приходом старого приятеля принца Росслея.

Не хотелось беспокоить мальчишек, но зачем-то же пришёл, да? Так, Бриана, любовь моя, зачем я здесь? Из-за тебя же, нет? Ах, да...

– Но, да, я пришёл помочь, если что, – попытался успокоить всех Алекс. И себя тоже.

Ах, Бриана, любимая эрцеллет, тридцать лет женаты, а всё равно хочется поскорее расправиться с делами, и к тебе, дорогая...

– Так что за дело?

– Элайна, извините за грубую прямооту, шёпотом обвиняют в том, что он ***** сиятельных герцогов Дануина и Сидмора поочерёдно. Пора разобраться с этим, не так ли?

Тайлер Сидмор со стоном прикрыл глаза рукой. Дануин положил руку на плечо брату и сильно, до боли, должной стать бодрящей, сжал.

– Подходить к каждому и рассказывать, глядя в глаза, что это не так? – нежно поинтересовался Мэлвин Дануин. Алекс ожидал скорее язвительного тона, но он просто забыл, что разговаривает с сыном лицемерного Рэйна Росслея, в течение 78-и лет после пробуждения умудрявшегося скрывать с десятков серьёзных тайн.

– К каждому – нет. Достаточно сказать это титулованным перевёртышам при драконах. Желательно – при старых драконах вроде Ксениона Кэтслея или Ючина Дже. Не важно даже, как именно, какими выражениями вы это сделаете. Главное – пора уже сделать это.

– Начнутся вопросы, – вздохнул Тайлер. – Отчего вы трое так себя ведёте, отчего не посещаете дома свиданий... и соврать же не выйдет.

– То есть пусть лучше выдумывают и поливают ваши имена грязью? – холодно, но с каждым словом всё яростнее, вопрошал тогда Феррон. – Вас это устраивает?!

Двойняшки переглянулись и некоторое время полностью серьёзно обдумывали обе возможности.

– Что тут думать?! – вскочил с места Феррон Элстрэм. – Что такого между вами тремя?!..

– Чувство Бога, – тихо и кратко объяснил Мэлвин Дануин.

В комнате, как показалось в тот момент Алексу, даже пыль перестала с шорохом оседать, то ли зависнув в ожидании разъяснений, то ли побоявшись нарушить значительность момента.

– Сапфир сказал, что правда рано или поздно вызовет религиозные распри кроме всего прочего, – мирно объяснил Мэлвин Дануин. – Оттого как-то не хочется брать на себя ответственность за возможное кровопролитие.

– Значит Элайн... – заговорил Алекс прежде, чем додумал мысль до конца. – Он... того? Тоже чувствует Бога?

– Он скорее чувствует присутствие Дьявола, – медля, ответил Дануин. – Зато очень верно. Ещё ни разу не ошибался.

Алекс проглотил ругательство и поднялся с места:

– Вы меня с ума сведёте.

– В вас угасла вера, – сказал Тайлер.

– К чему это ты? – разозлился Алекс. – Дурью решил помаяться и показать своё "Чувство Бога"? Чёрт, с такими замашками у нас прут в святые. Кстати о святых. Был у нас Брайан Валери. Была распря? Нет. Что конкретно сказал Сапфир?

– Спросите у него самого, если это так важно, принц.

– Я спрошу. Но разве вы не хотите помочь себе и бедняге Элайну другим способом?

– Он измучен тем, что с ним происходит, настолько, что ему плевать на мнение о нём общества, – сказал Тайлер. – Его лучше не трогать. Иначе Дьявол перепутает в его душе нити, которые должны быть связаны для постижения истины.

– Он не похож на измученного.

– Представьте, уважаемый Санктуарий, – заговорил Фэр, подавшись вперёд. Только что став причастным к невероятной тайне, он тут же обрёл собственную позицию и встал на её защиту: – Представьте, что знаете нечто, о чём не хотите сообщать никому. Разве не предпочтёте спрятать свою тайну и все пути к её раскрытию так, как только это возможно?

– Мы одной веры. Церковь сильна. Почему он не обратится за помощью? Да и половина принцев так или иначе знает, что такое ниспосланное просветление!

– Как вы? Чтобы затем потерять веру?

– А хоть бы и так. Направить и поддержать смогли бы.

– Как это, интересно?

– Чёрт, парни! Вера – это всегда тяжёлая битва. Но если мы, древнейшие, уже не воюем, то это не значит, что мы не помним, как это делается.

– Хорошо, предположим, что мы станем откровенны. Но тех, кто откровенничает о таких вещах, считают либо полоумными, либо святыми, но святость духа Элайн не распространяет... хотя бы как Брайан Валери. От того доброта и невинность будто водой текут.

– Вы Роджера Кардифа не видели, – Алекс сел обратно. – Вот уж тихим паинькой выглядел!.. Нет, у обоих близнецов Си это одинаково проявляется, то ли врождённое, то ли напускное, вроде постоянной маски. Знал я одного святого в своей жизни... смотреть на него не смел.

Жуткий, чёрный весь, старый, скрюченный, перекошенный. Что он ни взглядывал, так меня всего пробирало от страха... Один его вид, бредущего по улице, уже вызывал мысли о скорой смерти. А ведь святой был, и чудес в своей жизни много натворил. Ну и что же? С вами-то что не так? Мне можно рассказать. Тайну, раз так хотите, я сохраняю.

Двойняшки посмотрели на Фэра.

– То же, видимо, что и у Элайна, раз они без слов поняли, что принадлежат одной с ним лиге, – пожал плечами герцог Элстрэм.

– Я вижу своими глазами тех, кого чувствует Элайн, – наконец сказал Тайлер Сидмор, повернувшись к Алексу.

Вот это поворот!

– Я вижу тех, кого можно почувствовать в церкви, – в свою очередь мирно, даже буднично сказал Дануин. И, будто бы разговор касался сущих пустяков, тут же переменял тему: – Кстати, на счёт напускного в Валери ты не прав. С ним рядом они есть. Бывают. Те, кого я вижу.

Все немного помолчали.

– Кого же вы оба видите?! – слегка повысил голос Алекс. – Дьяволов и ангелов?

– Такой вывод напрашивается. Однако они не слишком соответствуют традиционным изображениям, – сказал Дануин. – Они обычно бесформенны и разноцветны. Но бывает, принимают облик... чашек, костей, чего угодно. Теперь понятно, почему об этом не слишком хочется рассказывать?

– Вы не пытались их зарисовывать?

– В детстве много рисовали. Иногда казалось, что мы видим одно и то же – они одинаково светлые на вид. Однако в дальнейшем оказалось, что наши "друзья" из разных компаний, – морщась, продолжил рассказывать Тайлер. – Я вижу только тех, что смущают Элайна. В то же время Брайан Валери их не ощущает вовсе. Он может войти в гущу их и не замрёт ни на мгновение. И это ещё одна причина сомневаться в том, что всё это подотчётно Церкви.

– Вы ставите Валери как эталон...

– Потому что рядом с ним бывают мои "друзья", – прервал Алекса Дануин, – знал, что будет сложно объяснять, потому и не хотел. Ладно, назовём их хоть как-то!.. Эти ребята любят обращаться фруктами. Так что... фрукты, своими глазами видел, спасают от трагических случайностей.

– Мои же не фрукты собираются в большом числе там, где должно произойти несчастье или преступление. Я думал, что они – что-то вроде признаков смерти, но на защите Клервинда я их видел... редко. Фрукты, говорил Мэлвин, часто бывают на защите. Среди нас, и, собственно, защитников.

– Стало быть... ты, – Алекс откинулся в кресле и показал пальцем на Мэлвина Дануина, – видишь добро или спасение. А ты, – теперь пришла очередь показать на Тайлера Сидмора, – видишь зло, но и что-то, ведущее к смерти. И Элайн каким-то образом чувствует зло, а Валери не ощущает ни тех, ни других вовсе, но привлекает фрукты. Может потому Элайн так удивительно долго раньше водил дружбу с Валери? Сложно, в конце концов, с кем-то общаться целую тысячу лет, а они это делали.

– Но с ними был Роджер Кардиф, – возразил нахмурившийся Фэр. – Тогда бы Элайн чувствовал зло от него.

– А вы не родились ещё, когда он исчез. Вы не знаете, исходила от него нефруктовая гадость или он просто неудачник в любви.

– Элайн говорил, что не неудачник, а...

– Если, перебрав столько девиц, не нашёл ту самую, то точно неудачник.

– Вы просто сочувствуете из солидарности. Всем известны ваши развлечения с дамами из Коллуэя.

– Прежние, заметьте, прежние развлечения. Но имейте в виду – найти умную и добрую женщину с подходящим характером – большая удача. В конце концов, никто из вас ещё даже не женат, так что помалкивайте.

Алекс буквально почувствовал, как сыновья Рэйна проглатывают шутки о Бриане.

– Ах, да, ваша эрц-принцесса же дочь Кардифа... – пробормотал Тайлер.

– И что, прёт от неё что-нибудь? – полюбопытствовал Алекс.

Двойняшки одновременно кивнули и переглянулись.

– Думаю, Кардиф хотел назвать её в честь брата, – проговорил Мэлвин Дануин, глядя Сидмору в глаза.

– Странная женщина, – отвечал беловолосый, выдерживая взгляд.

– Слышал, Валери успел приложить руку к воспитанию всех своих племянников и племянниц, потому что думал, что не способен стать отцом, – проговорил Фэр. – Раньше он считал своей обязанностью прочищать мозги по теме религии и морали. До встречи с моей матерью – точно. Может, вам двоим всё-таки стоит поговорить с ним? Кем бы он ни был сейчас, знание о том, что божественно, а что – нет, с ним осталось.

Двойняшки отказались. И по выражению глаз сыновей Рэйна стало понятно, что к единственному, с точки зрения официальной Церкви, наиболее близкому к святости мирянину, они обращаться не будут.

Тогда Санктуарий решил найти Элайна. Он должен был сам поговорить с ним – Бриана в таком деле никак не поможет.

Поднимаясь с кресла ещё раз, Алекс разглядывал рослеевских мальчишек. Фэр был слегка удивлён тому, что несколько не испуган открывшемуся о братьях, а те, в свою очередь, тоже поражались тому, насколько не шокирован их старший брат. Им, пожалуй, хотелось всё обсудить и дружно посмеяться над этим. Чужак поторопился уйти.

Место для того, чтобы в себе разобраться, Уоррен Элайн Мэйн выбрал неудачное. Кафе в Кварэ, напротив арки, ведущей к дому свиданий – места, где мужчины и женщины в масках встречаются для совместных развлечений в постели. Алекс увидел искомого по пути домой, случайно, из окна экипажа. Так что Единый всё-таки как-то был причастен к происходящему.

Солнце уже село, но запад, ещё розово-оранжевый, словно прикрытый сверху издали тонкими, очень тёмными тучами, ещё достаточно освещал Преньон. Однако в ньонском районе Кварэ, что на юго-юго-западе от географического центра столицы, довольно высокие каменные дома, сочетаясь с не слишком широкими улицами, погружали дороги и нижние этажи зданий в глубокий сумрак. Фонари на стенах ещё только зажигались, и Элайн, с чашкой приникший к окну кофейни, хорошо виден не был. Двери в заведение закрыты, свет выключен. Герцог империи мог позволить себе купить такую услугу. И всё только для того, чтобы смотреть в окно через улицу, размышляя, похоже, о том, как здорово было бы перестать чувствовать вину за свои естественные желания. В тишине, полумраке, почти среди разумных, но и не с ними.

Алексу пришлось поднять шум и переполошить работников, чтобы его впустили.

– Моя эрцеллет считает, что женитьба разрешит все твои проблемы, – сказал Алекс, усаживаясь за стол титулованного крылатого.

– Женитьба не может состояться раньше знакомства, – поморщился Элайн.

– Как будто мало женщин ты знаешь... – быстро проговорил Алекс, но когда собеседник поднял на него глаза и собрался возразить, принц сжалился: – Мы оба знаем, что ты скажешь, что я скажу, и так далее. Забудь. Мне Рэйновы двойняшки всё рассказали о тебе и о себе.

– С какой это стати? – неприятно удивился Элайн. – Зато понятно, почему ты решил нарушить моё уединение.

Свет фонарей и затухающего неба соединился и преобразил улицы и сам воздух. Атмосфера неправдоподобности окружила Алекса. Сейчас же ему стало казаться, что и он через мгновение почувствует и увидит нечто потустороннее.

– В любом случае, я не хочу разговаривать об этом здесь, – решил Элайн, без стука поставил чашку на стол и поднялся, – пройдемся?

Сверкнувший алмазной крошкой, золотом и платиной империал полетел прямо в руку официанту.

У крылатых не слишком принято подчёркивать высокое положение ни в каких деталях внешнего вида, а потому, если на двоих мужчин и обращали бы внимание на улице, то только из-за современного стиля, качества одежды и красоты одного из них. Как бы ни считал Алекс себя привлекательным, но заблуждаться на свой счёт не хотел. Всё, в чём он был лучше (и был ли?), чем Элайн внешне, так это высокий рост и ширина плеч. Зато мощного на вид Алекса желающие подслушивать предпочитали обходить стороной, и можно было не опасаться чужих ушей.

– Что именно они рассказали тебе? – спросил Элайн, идя с опущенной головой.

– Про то, что видят, про то, что ты чувствуешь тех, кого видит Сидмор. Про то, в каких ситуациях они появляются.

– Понятно, – отозвался Элайн.

– А ещё они просили тебя не тормозить. Мол, тебе это повредит.

– Может быть.

Странное освещение улиц менялось, гасло небо, но правдоподобнее от этого не становилось.

– Жалеешь, что с Валери в разрыве? – спросил Алекс, переводя взгляд с лица Элайна.

– Принц, мы все эти годы поддерживали связь. Просто не проводили время вместе.

– О, не дураки, да. А твой отец... то есть, я хотел сказать, Рональд, он знает о твоих проблемах?

– Нет.

– Почему ты не обратишься к нему? Он, так сказать, "работал" пророком кое-где и долго служил Церкви. Мы даже не знаем, сколько священных текстов сохранены благодаря его стараниям. И сколько из них первоначально написаны его рукой.

Элайн кивал, но явно не собирался прислушиваться.

– Санктуарий, – заговорил крылатый после паузы, – я не понимаю, почему наша вера такова. Почему она так тяготит, а удовольствие становится таким призрачным. Именно потому я никогда не заговарю с ним ни о чём религиозном.

– Потому что внезапно понял, что догматы веры не под тебя написаны? Верь так, как можешь. Иметь веру – больше половины дела.

– Верю, дело не в этом, – судя по голосу, Элайн начал раздражаться. – Нормально могу выполнять и действительно выполняю все предписания Церкви. Но лучше от этого мне не становится. Каждый день думаю – сегодня или месяц спустя всё получится: смирюсь, пойму, обрету покой.

– Ты что, к святости стремишься?

– Нет, но... Теперь уже нет.

– К чему тогда?

– К абсолютному бесстрашию. Знаю, крылатые не испытывают страха в общем смысле слова. Но я испытываю. Перед теми, кого чувствую.

Элайн больше ничего не сказал. Он отвёл взгляд. Брусчатка должна была покрыться цветами от одного факта, что такой великолепный парень смотрит в её сторону. Настолько великолепный, что мужественно признался в своей ненормальности – в страхе.

Крылатые ничего не боятся. Вид у них такой. Чувствуют опасность – так они говорят о своей слабоватой реакции, заменяющей страх. Элайн и вовсе считался парнем, так и не узнавшим, что такое, когда начинают сдавать нервы. Он прошёл войну с перевёртышами, поднявшись от рядового мечника до генерала дневных летящих, и служит в иррегулярной армии до сих пор. Но именно такие, бывает, не слишком верящие в то, что нельзя измерить, оказываются внезапно сильно впечатлены проявлениями потусторонних сил. По опыту своей долгой жизни Алекс помнил, что эти проявления обычно ломают что-то внутри всех подобных Элайну. В целом это не плохо, но генерал иррегуляров и единственный наследник Мэйна не должен потерять ни одной частички себя. Иначе может не хватить запала на то, чтобы шагать рядом со своей судьбой и, чёрт возьми, тащить её за собой, когда она устанет и начнёт ныть про конец.

– Перед Сидморской-то дрянью страх? – переспросил Санктуарий. – Но это же хорошо. Страх служит сохранению жизни одного или многих. Если та дрянь заставляет себя бояться, значит, действительно опасна, и с ней следует бороться. Да и двойняшки говорили, что на месте скопления той дряни случаются несчастья. Значит, точно надо что-то делать.

– Мои молитвы не помогают.

– Может, не молитвами?..

– Ничто не помогает.

– Хм... – Алекс поднял руку и коснулся подбородка. Бороду веками сбрасывал начисто, а привычка оглаживать, не смотря ни на что, осталась.

– Молитвы Валери всё ещё чудодейственны, но я понятия не имею, как объяснить ему, что от него требуется, – сказал Элайн.

– Сложно, но можно. Ну, почти наверняка. Сумели же Рэйновы ребятишки объяснить мне всё, – рука Алекса снова потянулась к отсутствующей бороде. – "Бороды – нет!" – мысленно напомнил он себе. – Кстати, в храме ты их чувствуешь?

– Нет, никогда.

Воздух столицы наконец стал обычным. Город засиял, засияли луны, тьма сгустилась в закоулках.

Алекс остановил Элайна и повернул к себе.

– Вот скажи! – грозно нахмурившись для привлечения всего внимания герцога, сказал Алекс: – Женщины или борода? И то, и другое – хорошо. Вместе они не сосуществуют никак. Так что выбрать?

– Женщин. О бороде можно забыть, а вот о женщинах – не забудешь, хоть двадцать лет постом и молитвой бесов гони.

– Ерунда. О женщинах забыть можно, а вот бороду каждый день брить надо.

– Не может быть! – несказанно удивился Элайн.

– Да, вот что значит родиться человеком.

– А к чему ты это? Связь должна быть, но ни на какую мысль не наталкивает.

– Да я просто так спросил. Была у меня борода... когда-то.

Элайн продолжил идти. Алекс в четыре шага догнал его и услышал:

– Такой мужлан, как ты, не сможет без женщин.

– Когда-то мог.

– Когда к святости стремился?

– Нет. Когда не было их.

– Это что за времена такие?

– В моей пещере. До пробуждения.

– Ты издеваешься? У меня действительно серьёзная проблема, между прочим.

– И что, ты отказываешь себе в дамочках уже много времени?

– Да.

– Паршиво тебе, наверное. Этак можно заболеть.

– Seriously?

– Ну да, Валери не просто так решил, что не может иметь детей. Длительное воздержание ведёт к бесплодию. Это одна сторона. Есть ещё кое-что... Не смотри ты на Валери, женщина не помеха постижению Единого. Честно. Фокус только в том, чтобы эта женщина жила в твоём доме. Вот, собственно, и весь секрет.

– Бредишь.

– Нет. Всё остальное – просто, как механика. Твоя женщина сама знает, что хорошо, а что плохо для неё, и, вне зависимости от твоего взгляда на вещи, всё равно обустроит себя и своё положение. Можешь сочетаться тайным браком, если уверен, что не вытерпишь её дольше трёх лет. Главное взять именно ту, какую больше всех хочешь.

– А если хочу Красивейшую?

Алекс фыркнул.

– Ладно, я понял, – сказал Элайн, и на его лице впервые появилось подобие улыбки. Но и она быстро угасла. – Только не ясно, что делать с той жутью и... с чего ты вообще заинтересовался всем этим?

– Вайсваррен попросил.

– Я не стану... – ахнул Элайн, сообразив, к чему всё идёт, – в обмен на помощь!

– Ну, я должен был попробовать.

Уоррен смерил Алекса излишне серьёзным взглядом и ушёл.

Тихонько ворча, что крылатые слишком непочтительны к любому высочайшему статусу кроме императорского, принц Санктуарий вернулся в Три-Алле.

Но едва он увидел Бриану, как понял, что до самой глубокой ночи ему не стоит появляться в своём доме – по её тихому, тщательно припрятанному, припасённому для него внутреннему кипению.

Он мог бы развернуться и уйти, как делал уже много раз, однако стало интересно, вдруг за свою долгую жизнь он увидел и услышал не все способы развязывания домашних скандалов?

"Эй, я люблю тебя", – захотелось сказать в какой-то момент, но он смолчал. Такие слова примерно в половине случаев могут спасти вечер, а в другой половине – нет. И бывает сложно спрогнозировать реакцию, даже зная характер красавицы. Но возможно. А вот Бриана... никогда не знаешь, что взбредёт ей в голову.

– Где ты был весь день? – спросила Бриана, едва он опустился с ней рядом на диван. Её тон был тем холоднее, чем жарче взгляд. Потрясающее сочетание. У Алекса во все времена перехватывало дух при виде такого контраста.

– Пытался решить проблему Элайна. Я встретился с ним и избавил тебя от необходимости. Я увидел его случайно.

– О, это прекрасно, – удивительно мирно отозвалась Бриана, отвернувшись и посмотрев в дверной проём. Взглянув туда же, Алекс увидел, как по коридору пронеслись три пары полосатых чулок. Это к Сапфирте приходили школьные подружки, Хисуи Соно и Кантабриллин Накхана, а теперь собирались по домам. Ясновидящий предсказывал, что этим девочкам лучше будет дружить, чем враждовать, так что Алекс и Накханский принц, Колин Хант, постарались сдружить дочерей с самого младшего возраста. Что касается Хисуи Соно, то её будущим открытием уже воспользовалась империя, и принцы своим расположением благодарили её.

И вот, судя по звукам, девочки наткнулись на кого-то из сервов, кого-то, кто рассказал им, что приехал принц и им следует пойти и поприветствовать его, как положено воспитанным леди.

Пока будущие знаменитые красавицы столицы исполняли перед Алексом свой ритуал приветствия, он разглядывал их абсолютно одинаковые чёрные школьные костюмы: слишком короткие юбки, слишком закрытые, плотной ткани блузки, и совершенно отвратительные чулки с толстыми чёрными и серыми поперечными полосками. Каждой из юных леди было не

больше пятнадцати, но Алекс понимал, что без охраны девушкам такого статуса и такой внешности ходить попросту глупо. Но попытайся он сейчас снова заговорить о телохранителях, они обзовут его брюзжащим слабоумным старикашкой. Ну, попробовать-то можно?

– Охран... – едва успел выговорить он, как его прервала Сапфирта, затараторив:

– Кантабриллин прекрасно умеет защищаться. Её отец лично занимался с ней. Мы однажды тренировались вместе – она даже лучше, чем я, хотя она сильнее, так что может в этом всё дело.

– Я только о ней что ли пекусь?

– Она самая красивая из нас, так что на неё наверняка нападут сначала.

– Может быть, нападут на Хисуи. Для того, хотя бы, чтобы шантажом заставить вас делать, что скажут. Что тогда?

Одинаково темноволосые головки повернулись друг к другу.

– Хис, тебе придётся трениро... – начала было Сапфирта, но Кантабриллин фыркнула и старшая дочь Алекса осеклась, но затем со вздохом спросила:

– А что не так? Говорят, что Дан-на-Хэйвины много тренируются и достигают хороших результатов, даром что всего лишь человеческие женщины. Если это единственный способ успокоить отца, то я займусь.

– Не выйдет, – покачала головой Кантабриллин. – Хисуи? Ты посмотри на неё!

Все взгляды сосредоточились на самой уязвимой девушке. По её детскому личику и непроницаемым карим глазам с длинными ресницами без изгиба нельзя было сходу сделать какой-либо вывод. Кантабриллин видимо получила ту же мысль, и решила наглядно показать то, что первоначально стремилась донести. Она резко выбросила руку к лицу Хисуи и та, перепугавшись, вздрогнула всем телом, закрыла глаза и сжалась. Затем, конечно, поняла, что реальной угрозы нет, и, смущённая, стала посылать извиняющиеся взгляды подругам и принцу с его супругой.

– Я пыталась, – как ни в чём ни бывало, продолжила Кантабриллин, – но при виде опасности она почти всегда закрывает глаза. Она слишком... слишком боится всего подряд.

– Это естественно. Людям естественно бояться, – защитил Алекс человеческий вид. – Всё-таки они другие. Мы, – поправил себя принц. – Мы другие.

– Мы подумаем над этим, – сообщила Сапфирта и повела девушек прочь.

– Пока вы думаете, я прикажу...

– Нет! – резко бросила Сапфирта.

– Как она смеет так разговаривать с отцом? – повернулся Алекс к супруге, когда юные леди, гримасничая между собой, скрылись с его глаз.

– Смеет, потому что наверняка догадалась, что если вам, принцам, изредка не хамить и не перечить, вы становитесь слишком заносчивы, – едко проговорила Бриана.

– Ничего подобного.

– Неужели?

Алекс прищурился:

– Насчёт того, что членам принсипата надо иногда хамить и перечить... хорошо, это в какой-то мере верно, да, но сомневаюсь, чтобы Сапфирта додумалась до такого. С точки зрения юного существа это полнейший абсурд. Скорее, она просто берёт пример с тебя. И считает нахальство шиком.

Бриана кивнула, и воцарилось молчание. Алекс наслаждался им, потому как не знал, начнётся ли сейчас что-нибудь ужасное или нет.

– Тебе нахамить прямо сейчас? – предложила жена.

– Пожалуй, нет, не сегодня, – медля и растягивая слова, ответил Алекс. – Я что, выгляжу очень заносчивым?

– Скорее слишком довольным.

– Это разве не хорошо? И... давай обсудим идею, когда мне станет с тобой хоть немного скучно.

– Так тебе не скучно?

– Очень не скучно, – с нажимом сказал он и заглянул в глаза крылатой.

– Ты сообщил это так, будто в любви признался, – отметила Бриана.

– Такой и была первоначальная цель.

Её глаза удивительным образом потеплели.

Приценившись к моменту и уловив движение её руки, поправляющей волосы, Алекс решил отложить разговор об Элайне на свечу или две. Если Бриана не умудрится разозлить его и тогда.

Тот вечер прошёл на удивление хорошо. И более того, настолько хорошо, что об Элайне и двойняшках Алекс и не вспомнил.

Глава 5. Теряя веру в сильных

Смог ли забыть обо всём Санктуарий? Нет, вовсе нет, и при первой же возможности пригласил Бриану пойти к Мэйну – у него должны были собраться принцы или их регенты, а в том числе и Мэлвин Дануин с родным братом. И, не смотря на то, что близкие принцев на таком вечере могли услышать что-то действительно интересное и важное, Бриана отказалась идти:

– Какое из слов, составляющих описание намечающегося события, тебя насторожило? – поинтересовался тогда он.

Её остановившийся взгляд не понравился Алексу. А ещё больше не понравилось то, что глаза Брианы стали утомлённо-пустыми, когда она посмотрела на него во время своего банального ответа: "Ничего". А ещё там была лёгкая ложь, о чём он ей сообщил.

– Ты сказал "скромное событие", – сказала она таким тоном, будто считала, что больше нечего и объяснять.

– И?

– Я знаю ваши "скромные события". Вы не ведёте подсчёт ни времени, ни выпитому, а ещё никогда не понятно, шутите вы, обсуждаете ли вы вариант будущего или что-то, уже произошедшее миллион лет тому. Я столько раз громко смеялась, когда не следовало, и на меня смотрели снисходительно... – Бриана поджала губы, устремив взгляд в пустоту, – что больше не хочу.

– Ты же у меня сообразительная девочка, ты будешь внимательнее на сей раз.

– ...А ещё меня сильно тревожит ваш цинизм. Считаю, что забота об империи должна лежать на плечах тех, кто не относится к живым с их проблемами так высокомерно, как вы.

– Мы не относимся высокомерно...

– Разве?

– Милочка, здесь ты серьёзно не права. Древнейшие после пробуждения будто начинают жить заново, потому мы довольно серьёзно воспринимаем все проблемы подданных Бесцейна. То, что мы постепенно вспоминаем миллионы лет прошлых свершений, только наше достоинство перед другими разумными и позволяет избегать досадных ошибок.

– То есть всё не кажется тебе мелким и скучным?

– Иногда.

– То есть тебе не надоело после каждого пробуждения решать одни и те же проблемы?

– Прекрасно, что задачи, поставленные перед принцами, так просты – вот что я думаю. Никто не ставит перед нами недостижимых целей. Послушай, хватит пытаться подколоть меня. Ты сегодня в ударе, но у тебя не выходит.

– У тебя на всё найдётся ответ, если ты захочешь, так что это ты в ударе, а не я.

Он мог бы сказать, что она хорошо узнала его, но это было не так, и Алекс промолчал, заменив лживые слова смехом. Женщинам никогда не узнать древнейшего вполне. Ни одна из них не оставалась подле мужчины настолько долго. Настолько долго, что бы увидеть, как в какой-то момент привычка следовать разуму, воле, долгу и неизменным нравственным ценностям меняют личность и характер её возлюбленного в определённую сторону. А вкусы, предпочтения, и способ вести дела много раз обращаются совершенно иными, если не полностью противоположными, в течение всех слишком длинных жизней. И как не остаётся уже ничего неиспробованного и неизведанного. В кругу других древнейших Алекс имел возможность понять, что он не один такой, и, что, более того, все древнейшие между собой идентичны. Все взлёты и падения, все ошибки прошлого, все истории – очень похожи, разница только в приключениях ранней юности. Так что индивидуальность каждого древнейшего – вымысел, взятый и развитый либо из таланта, либо просто из ничего.

Именно это привлекло Алекса в Рэйне Росслее: его ощутимая уникальность среди подобных, его странная не связанность с собственным даром. Постепенно пришлось привыкнуть к тому, что Рэйн – маг и всего лишь из всех сил боролся с продолжающимся безумием, но и очарование дружбы с ним постепенно изменилось.

Но, что касается Брианы... возможно, она ощущает это. То, что у её мужа и других древнейших пугающе одинаковые лица.

Желая выяснить даже такую правду, Алекс подготовил Бриану к необходимости устроить вечер в Три-Алле. Вечер, на котором будут присутствовать древнейшие и их наследники.

Желанное событие выпало на пятый день после первого крупного снегопада. Все крылатые принцы пришли. Из людей Алекс пригласил только одного человека – наследного принца Коула Крэйга Бесцейна. Было бы очень странно не пригласить его в свой круг. Особенно теперь, когда перевёртыши собираются организовать недовольных и агрессивных, и им помогает другой известный человек – Игрейна Пятая, хол-принцесса Дан-на-Хэйвин. Кроме того, раз речь всё равно неминуемо зайдёт о намечающемся восстании перевёртышей в Ньоне, Сапфир захватил на этот вечер губернатора столицы Брайана Валери, которому Бриана всегда была бы рада, даже не будь он близнецом её отца.

– Снег ещё лежит, – со странной ноткой в голосе отметил дед Брианы по отцовской линии – герцог Сильвертон, явившийся как наследник принца Сапфира Сильверстоуна.

Без единой искры тепла в глазах Бриана улыбнулась деду, когда тот посмотрел на неё. Они молча чокнулись бокалами с эйерном и снова посмотрели в окно.

– Я хочу поехать в дефэрранский Сильверхолл и покопаться в вещах отца, – неожиданно сказала Бриана, и Алекс еле подавил вздох.

Уоррен Элайн услышал и оживился:

– Разреши тебя сопровождать.

– Глупость, – скривился Сильвертон. – Только от него зависит, вернётся он или нет. Даже если вы его отыщете, что толку?

Бриана опустила глаза и отвернулась от деда. Алекс мог бы вслух зачитать мысли этих двоих, но сейчас его это не забавляло. Бриана выглядела несколько взбешённой. Она могла бы спорить с дедом, могла бы привести множество доводов, однако почему-то не сделала этого. Слишком разозлилась? Но она бы не ударила Сильвертона. Никогда. Герцог считается эталоном крылатых. Недостатки были и у него, Алекс был о них наслышан, но всё же их можно было простить. В конце концов, кто полностью лишён недостатков?

– О, друзья! – вдруг воскликнул Сапфир. До сих пор сидевший спокойно в выделенном ему кресле, он встал: – Я только что узрел времена, в которых эрцеллет Санктуарийская не будет ломать нос Алексу почти каждый день!..

Принцы и их наследники, до сих пор расслабленно и негромко беседовавшие друг с другом, притихли. Почти все обернулись, чтобы посмотреть на Алекса. Даже Тайлер и Мэлвин Росслеи, которые только устало щурились по сторонам до сих пор, наконец, послали свои открытые и чистые взгляды по тому же адресу, что и все.

– Вот так неожиданно Сапфир обычно предсказывает разводы, – прокомментировал Алекс, взяв за руку Бриану и притянув её к себе ближе. Супруга сдержанно улыбнулась и промурлыкала:

– Может быть не развод, а моя смерть спасёт твой нос?

– Нет, ни то, ни другое, – сообщил Сапфир, поднимая свой бокал выше. – Хорошие изменения достойны того, чтобы пить во имя их!..

– И когда? – поинтересовался Вир.

Сапфир не смог сразу ответить, хотя собирался, и это насторожило Алекса. Синие глаза ясновидящего принялись рассматривать многострадальный нос, о котором велась речь, и, после вздоха, все услышали фразу, от которой Санктуарию захотелось взвыть:

– О-очень не скоро, господа.

Трактовать такое можно как "пару миллионов лет".

– Ты собираешься так долго бесить меня? – смерив Алекса взглядом, поинтересовалась Бриана. Пришлось изобразить на лице счастье. Пожалуй, вышло убедительно. Умение владеть лицом – замечательная вещь!

Велик Единый – ни одного подарка не сделал зря и обратил своего слугу в крылатого не до конца тоже не случайно. Вот что было бы, если бы глаза сейчас покраснели, как у крылатых в гневе? Никакая попытка скрыть неприятные эмоции не прошла бы.

А тем временем принцы подошли к своей любимой теме и некоторое время обсуждали её, пока нынешний принц Макферст – потомок умершего древнейшего Эгертона Макферста, не предложил:

– Почему бы почти святому Брайану просто не помолиться о том, чтобы восстания не случилось вовсе?

И воцарилось молчание.

– Как просто, – промолвил Уайт-принц, и, нахмутив рыжеватые брови, опустил голову. Затем оглядел присутствующих и сердито спросил: – Почему до сих пор никому не пришло это в голову?

– Приходило, ваше императорское высочество. Приходило, – мягко заговорил принц Мэйн. – Однако опыт говорит, что здоровой государственности иной раз полезны как оппозиционные движения, так и восстания.

– Логика подсказывает, что сила оппозиции прямо пропорциональна уровню назревших проблем внутри государства, если только всё это не заказ группы влиятельных господ. Что касается восстаний...

– Они тоже иногда нужны. Они сбрасывают напряжённость общества. Народ тратит немало сил и энергии на бунт. Так как мы живём в единой империи, и вне власти находится не много богатых, которые ещё и не объединены, восстающих практически никто не финансирует. Они бедны и слабы. Восстание, которого мы ждём, только став реальностью, покажет настроения принцев-перевёртышей и Игрейны. В полной мере. А посмотрев на происходящее, можно прояснить множество вопросов.

– Мне тяжело верить вам.

– Они не лгут, Уайт-принц, – проронил Брайан и больше ничего не сказал. Наследник престола долго удерживал свой взгляд на губернаторе того города, в коем предстояло развернуться бунту, но тоже так ничего и не сказал.

Сомнительно, что бы Брайан мог остановить восстание одной молитвой – он не всемогущ. Но даже в противном случае почти святой не стал бы вмешиваться, ибо наверняка уже надёжно попал под влияние Сапфира, а тот желал с помощью восстания упечь хоть кого-то из перевёртышей в Абверфор.

– И всё же... – не отставал Макферст. – Есть ли способ доказать вашу правоту?

– Да, есть. Однако в процессе доказательства есть риск написать учебник, – усмехнулся Мэйн. – В двух словах не объяснишь, а потому стоит просто поверить нашему опыту...

– ...И следующее восстание произойдёт не скоро, – дополнил фразу Мэйна Сапфир.

Последние слова волшебным образом успокоили Уайт-принца.

Алекс усадил жену рядом с собой на диван и ощутил, как холодеют её пальцы в его ладони. Собой эрцеллет тоже править умела преотлично – со стороны выглядела уравновешенно и спокойно, разве только алые искры где-то в глубине глаз говорили о том, что она сдерживает гнев и ещё какое-то чувство, которое Алекс не смог сразу распознать. Мэйн и Сапфир только что высказывались именно так, как она говорила, ей не нравится – так, будто эти древнейшие истинно всемогущие бессердечные ублюдки, для которых вся империя лишь арена для продолжающейся скрытой войны с перевёртышами. Да, не повезло жене с семейкой. Даже

почти святой Брайан в очередной раз отступил от собственных принципов и, свободно допуская будущие жертвы, страдающим нисколько не выглядит. Надо как-то объяснить всё это.

– Итак, получается, перевёртыши решили, что можно воспользоваться погромами квартиранцев и вылить их недовольство властью в восстание? – спросил Алекс громко.

– Именно так, Санктуарий, – отвечали ему принцы, не понимая, почему он прикидывается ещё большим дураком, чем обычно. Понимание мелькнуло в глазах только некоторых из присутствующих.

– Но, может быть, хоть кто-нибудь проговорился о настоящих целях Чёрного Блока? – продолжал Алекс. Это небольшое представление предназначалось для Брианы. Ей, судя по нарастающей дрожи в плечах и напряжению во взгляде, просто необходимо знать, что древнейшие вовсе не такие, какими кажутся. Что у них есть более чем серьёзные причины допускать кошмар восстания.

– Если только очень завуалированно, – наконец отозвался Сильвертон, смерив Алекса далеко не восхищённым взглядом. – И не всегда можно понять, к чему всё это имеет отношение, однако один манифестант, по виду далеко не эскорт, заявил на собрании единомышленников, что императору следовало бы увеличить дотации на кровь. Я к тебе, Брайан, обращаюсь. Твоя жена тоже замешана.

– Предположим, не моя жена, а клан Дан-на-Хэйвин, – нахмурился губернатор, женатый на единственной эскортесс, имеющей право находиться на территории Ньюна, к тому же управляющей распределением выделенных доз для главных кровопийц империи – эскортов.

– Вероятно, – кивнул Сильвертон, так же нахмурившись, – действительно Дан-на-Хэйвин. Разрозненные детали в заявлениях погромщиков указывают на желание Игрейны разбогатеть. И сделать это за счёт поддержки государством её клана, единственного и последнего из самых древних кланов людей за исключением, соответственно, семьи Бесцейна, – герцог постарался согнуть корпус, изобразив поклон наследнику престола. – А так же за счёт прочих прибавок, которые, кому бы ни предназначались, всё равно пройдут через руки Дан-на-Хэйвин и других принцев-перевёртышей.

– А что же простые перевёртыши? – заговорила Бриана, дав понять Алексу, что он не зря только что изображал идиота и что всё обсуждаемое её действительно волнует. – Им просто не хватает работы! Почему обязательно допускать восстание, чтобы умирить их пыл, вместо того, чтобы помочь и дать им, наконец, работу?

– Прекрасный вопрос, эрцеллет. Не в бровь, а в глаз, как говорил мой дедушка, – улыбнулся наследный принц. Он оглянулся, обвёл взглядом присутствующих: – Ну, что скажете на это, древнейшие? Страдания простых перевёртышей не важнее ли цели прижать одного из членов Чёрного блока?

– Вот в этом конкретном случае – ничуть не важнее, – как всегда строго ответил Сильвертон. – Сами бунтовщики либо квартиранцы, которым не важно во имя чего, и как, главное вносить беспорядок, либо так и не сумевшие устроиться, присягнувшие в 24-м году перевёртыши извне, либо изгнанные Хантом офицеры Шона Грэма, которые считают недостойным своих персон работать подобно всем остальным свободным перевёртышам. Первых и последних, кстати, больше, чем тех, кто в течение почти 10-и лет не смог адаптироваться к жизни в империи.

– То есть, пусть все эти, грубо говоря, неудачники, будут уничтожены во время подавления восстания, только потому, что, по вашему мнению, они... лишние? – вот теперь Бриана была возмущена так, что перестала скрывать это. Её холодная ярость поразила принцев, и те смотрели на неё, поднимающуюся с места, замерев, как испуганные дети.

Бриана всё же просто покинула собрание.

– Даже нос никому не сломала... – с делано-несчастливым видом проговорил Алекс. – Вот почему, когда я не прав, моё лицо обязано пострадать? Вам всем повезло, господа, знаете ли.

– Ты вечно перед ней один стоишь, виноватый, а нас тут, виноватых, много, – чуть невнятно объяснил Сапфир, – она не знала, кого выбрать для расправы, а так бы точно врезала, клянусь.

– Виноватых? Значит восстание нужно для того, чтобы под его прикрытием избавиться от лишних перевёртышей? Смелая эрцеллет права, выходит? – вопрошал Уайт-принц. – Это подпадает под нарушение канонов о видах. Каждый из присутствующих будет вызван в Цитадель для разговора. В том случае, если увижу в ком-то стремление хотя бы к частичному геноциду перевёртышей – проведёте зиму в Абверфоре!

– Проблема, – вздохнул принц Лайт.

– Почему ты не предвидел этого, Сапфир? – обратились принцы к ясновидающему.

– Это всё Алекс, – пожал плечами старший из Сильверстоунов. – Не разберу я, коварен он, влюблён в жену или просто дурак. Скорее всё вместе.

– Влюблённый коварный дурак? – Алекс изобразил шок и поднялся с места: – Какой ужас! Однако мне, чую, следует найти объект моей любви.

– Рискуешь получить по носу за всех нас, – предупредил Сапфир и широко улыбнулся: – А, впрочем, иди, найди её. Это ведь твой долг, не так ли?

Алекс серьёзно призадумался, но всё-таки пошёл искать возлюбленную. Скорее всего, она отправилась спать к себе в комнату – уже достаточно поздно.

Всё пошло не так, как он задумывал. Нужно было обратить её внимание на Элайна и двойняшек, а не пытаться оправдать древнейших (и себя самого) в её глазах.

Проходя по коридору мимо Сапфирты, Алекс готовил себя к мысли, что в этот раз от гнева Брианы рухнут стены и крыша дворца. Но вовремя очнулся и обернулся к старшей дочери:

– Куда пошла твоя мать?

– Понятия не имею. Она выглядела...

– ...Очень злой?..

– Будто не в себе, – вдохновлённо выпалила Сапфирта. Она тоже выглядела слишком возбуждённой для позднего вечера. Странно. И в то же время ничего странного, учитывая, что они сейчас находятся в двух комнатах от места, в котором обсуждался скрытый геноцид вида Сапфирты. Наверняка подслушивала. Любознательная, она с детства любила присутствовать на обсуждениях дел принсипата и не терпела тайн.

Пришлось изменить планы:

– Сапфирта, пойдём-ка со мной, – Алекс подал ей руку. Наверное, всю жизнь придётся обращаться с ней, как с маленькой девочкой, чтобы никто никогда не представил себе ничего лишнего. Перевёртыши такие воображали!..

– Ты собираешься со мной поговорить? О чём?

– О том, что ты услышала.

– О чём конкретно?

– О том, что так расстроило твою маму.

Сапфирта не отозвалась. Она позволила увести себя в кабинет и выслушала всё, что Алекс сказал ей о намечающемся восстании и о том, что допущение его ни в коей мере не планируется использовать для уничтожения части перевёртышей. Хорошо, что девочка-перевёртыш не видит лжи – Алекс и сам не был до конца уверен в том, что подавление восстания не обернётся кровавым сражением над крышами Ньюна и город не зальёт дождём из чёрной крови.

И когда спустя почти свечу он вернулся к своим гостям, древнейшие заметили его озабоченный вид.

– Лицо цело, но всё равно не в порядке, – слабо пошутил кто-то.

– Сапфирта подслушивала, – объяснил Алекс. – Пришлось сочинять сказки, чтобы не дать слишком сильно травмироваться душе юного существа.

– Надеюсь, ты сочинял не такие сказки, чтобы она забыла всё услышанное? – поинтересовался Сапфир.

– Нет-нет. Но ты сказал... в твои планы входит кое-что ужасное. Как быстро ей надо повзрослеть, чтобы тебя всё устраивало?

– Она должна взрослеть с каждым мгновением, очень быстро, – очень жёстко сообщил ясновидящий.

– Мне это не нравится.

– Мы обсуждали это, помнится, и ты отдавал себе отчёт в том, какие будут последствия. Стоило Алексу вспомнить тот давний разговор с ясновидящим, как к нему вернулось хорошее настроение. Он оттянул удавку галстука и постарался расслабиться.

– В чём дело? – поинтересовался Уайт-принц.

– Сапфир считает, что мою малышку ждёт особенное будущее, – пояснил Алекс наследнику престола. – Но, как водится, в том, что касается ещё не свершившихся личных достижений, дельнее будет хранить молчание.

А следующим днём ему объявили:

– Эрцеллет-принцесса отбыла в неизвестном направлении ещё вчера вечером, – сообщил Кэмиркай. – Анмени было приказано не предупреждать вас.

Если бы не затянувшийся до утра "вечер" с принцами Белого блока, Алекса ещё можно было бы растолкать и сообщить ему эту новость раньше.

Закончив с поздним завтраком, Алекс отправился посмотреть на состояние комнаты жены, разруха ли там, или порядок. Если собраны все её любимые вещи и открытки с лицами детей от первого мужа, то ждать её придётся долго и проще поехать за ней и вернуть самому.

Бриана почти ничего не взяла с собой. Значит, её поступок был продиктован вспышкой гнева, эмоциями, а не чем-то, что она назвала бы здравым смыслом, и нужно всего лишь подождать её возвращения.

Глава 6. Цепные поиски

Алекс ждал.

Сапфирта по-прежнему училась в школе и беззаботно бегала с подружками по коридорам и залам Три-Алле. Анна и Шеридан, умненькие девочки, были настолько увлечены нанятыми для них учителями и тренерами, что не успевали задавать вопросов – по вечерам засыпали, едва попадая в атмосферу тишины и спокойствия. В отсутствие Брианы Алекс пригласил их ужинать вместе со всей семьёй, но иной раз, не смотря на веселье, Шеридан он уносил из-за стола крепко спящей.

Некоторые из принцев действительно оказались заточены в Абверфоре за одну только надежду, что предстоящее восстание обернётся смертью пары сотен перевёртышей. Правда, совсем ненадолго.

Алекс же принадлежал к ряду тех, кто скорее неуместно зло шутит, чем действительно желает смерти кому бы то ни было. Но воспитание трёх девочек-перевёртышей избавило его от любого желания хохмить на допросе, организованном Уайт-принцем.

Двойняшки Росслеи при встрече шёпотом поведали Алексу, что его эрцеллет на том вечере перед отъездом "пахла фруктами", а вот от многих других присутствующих несло гадостью, от которой Элайну надёжно расхотелось видеть древнейших.

– Добрый день, Санктуарий, – поприветствовал Алекса Уоррен Элайн как-то раз, приехав в Три-Алле. – Твоя эрцеллет нальёт ли мне шоколада?

– День будет ли недобрым без шоколада? – еле подавил зевок Алекс – иногда ему не спалось без женщины рядом. – Бриана отбыла неизвестно куда.

– У неё довольно много дочерей и сыновей от Ил'Майра, как я понял, – проговорил Элайн, медленно опускаясь на ближайшее сидение.

– Так что она могла отправиться в любом направлении, к кому больше захочется. Понятно, почему она не взяла открытки – зачем они ей, если она собиралась увидеть их лица вживую?

– Но ты как будто всерьёз обеспокоен.

– Глазастый какой, – скривился Алекс и объяснил: – Тем вечером я собирался остановить её, но из-за Сапфирты не сделал этого. Посчитал, что чувствами Брианы можно пренебречь, ведь она взрослая умная женщина, а не впечатлительный подросток не вполне изученного вида.

– Ты всё верно сделал, – ровно сказал Элайн, и ставшая ощутимой лёгкая неловкость сообщила Алексу, что пора заканчивать и объяснять, чего ради принц империи так откровенничает о своей личной жизни:

– А раз я всё верно сделал, то остаётся залить неоправданное сожаление чем-нибудь крепким.

– Это предложение? – Элайн явно почувствовал себя неудобно. Он не сможет отказаться после того, как Алекс перешёл с ним на новый уровень откровенности. Но Элайн уже явно купается в лучах особенной любви Единого, иначе бы в его голову не пришла так своевременно светлая мысль:

– Что, если она вернётся как раз в тот момент, когда мы оба будем перекачены крылосколом до невменяемого состояния? Что, если она снова уедет? Две из жён Кардифа, помнится, так и поступили. Шесть веков прошло, а я всё ещё чувствую себя виноватым.

– Вероятность не велика. К тому же она вполне нормально расценивает...

Элайн преувеличенно глубоко вздохнул и заговорил, постепенно ускоряясь:

– Ах, да, она вполне разумна иногда, когда очень надо оправдать твои действия. Но не ты ли только что сожалел о том, что не защитил её чувства, понадеявшись на то, что она воспользуется здравым смыслом?

– Э-э... Ты прав, Элайн. Может, предложишь ещё что-нибудь дельное?

– Тебе надо поехать за ней, вместо того, чтобы пить здесь, со мной. Если всё сложится хорошо, то вы вернётесь задолго до начала восстания, и у тебя будет возможность самому позаботиться об эвакуации семьи.

– Скорее всего, она поехала проводить своих детей. Даже если бы я хотел побывать во всех провинциях империи, я бы не решился ехать за женой – к этому времени все следы уже будут запутаны донельзя.

– Метакарта, принц, такая штука, через которую можно с ней связаться, – ёрничая, напомнил Элайн.

– Не ответит.

– Но ещё есть Сильверстоуны. Возможно, кто-нибудь из них вспомнит, говорила ли она, куда собирается поехать прежде всего?

– А ещё можно заставить Валери помолиться о том, чтобы Бриана стала благоразумнее, – отозвался Алекс. Эта мысль ему так понравилась, что он чуть ли не подпрыгнул в кресле.

– И только? – усомнился Элайн. – Почему не заставить его помолиться о том, чтобы она вернулась?

– Это же покушение на её личную свободу! Не-ет! – радостно возразил Алекс. Молитвы почти святого Брайана не имели абсолютной силы и далеко не всегда действовали, но верующие в Единого восхищённо преувеличивали дар дядюшки Брианы.

– Мне кажется, покушаться на её характер и вносить в него изменения без её ведома ещё более преступно, чем ограничивать физически, – поддержал своеобразную шутку Элайн.

– В любом случае, едем со мной, – коротко посмеявшись, сказал Алекс. – Где сейчас Валери?

– Могу лишь предположить, что он в ратуше, увлечённо предаётся губернаторскому труду. Но зачем там я?

– Поможешь найти мне верные слова.

– Принц неуверен в себе? Как тебя, в таком случае, терпят в принсипате?

– Похоже, достаточно быть древнейшим, чтобы давать советы по управлению империей, – Алекс задумывал эту фразу как шутку, но мысли его вернулись к восстанию и роли одного из потомков в нём, и последние слова его прозвучали печально. К тому же они были почти полной правдой, потому принц рассудил, что дальнейшие разговоры бессмысленны и самое время тащить Элайна к Валери. Если повезёт, то в эту встречу мальчишки вновь официально подружатся. И даже если Элайн и двойняшки готовы во имя достижения идеала духовности молчать о своих силах и терпеть всеобщее тихое осуждение, то одна лишь дружба с почти святым Брайаном обелит Элайна в глазах общества, а затем, как по цепочке, и двойняшек Росслеев.

Валери, что не удивительно, быстро согласился с планом спасения репутации друга и уговорил Элайна, сумев найти подходящие слова.

Так что Алекс только сказал Брайану Валери, что Бриана уехала, не сообщив, куда именно, и попросил дядюшку жены прибавить своей племяннице благоразумия. После чего уехал, бросив Элайна.

Позже Алекс сумел убедиться в том, что Элайн и Валери действительно остались теми же друзьями, какими были во время возведения Ньюна.

Но что касается молитв почти святого, так, похоже, Валери просил о чём-то другом, о чём-то вроде вложения необычных идей в голову Алекса. И мало того, что экзотическая идея пришла в голову, так ещё и настойчиво возвращалась. Ведь был повод применить её – исчезновение любимой жены. Но фактический шпионаж через метакарты, если только никто ещё не додумался до него, не понравится ни Бриане, ни императору, узнай он о подобном.

И, может, почти святой Брайан молился Единому о благоразумии для него, Алекса Санктуария, потому что рассудив, что раз всё равно не спит ночами, то использовать бессонницу с пользой будет единственным стоящим решением, принц вновь атаковал Валери просьбами и тот согласился помочь.

Кроме Валери никто бы не смог помочь, но не по обычной причине, а потому, что Бриана, если она, как и хотела, отправилась на поиски отца, то уже далеко, должно быть. Но, где бы она ни была, начала она свой путь из первого дворца клана Си – Сильверхолла.

Прежде всего, Алекс отправился в Деферран в компании Брайана Валери и Уоррена Элайна. В последний момент к ним в экипаж запрыгнула супруга почти святого – красивейшая из женщин – эскортесс Моргана Аргиад Дан-на-Хэйвин, и у мужчин испортилось всё их великолепное (ну почти великолепное) настроение. Путь предстоял пусть очень комфортный, но длительный, так что присутствие такой женщины, как Моргана, в замкнутом пространстве экипажа немало напрягло.

От внешности красавицы рябило в глазах, и гас аппетит от жалости к Элайну, которому Моргана, похоже, слишком нравилась, что, скорее всего, и стало истинной причиной прошлого "внешнего" разрыва двух друзей. Всё же Элайн удивительно хорошо играл роль любующегося, но безгрешного в мыслях, на протяжении всего пути, и Санктуарий с каждой минувшей свечой мысленно поздравлял бедолагу.

Но вскоре четвёрка путешественников оказалась во втором по величине городе планеты. Мало того, что Деферран действительно простирался так широко, что чаще всего в дымке горизонта не видны были границы жилых массивов, так южная столица ещё и обладала самыми высокими зданиями и башнями, сконструированными из редких материалов, специально с учётом сверхсильных землетрясений. Так, Деферран, главный город бывшего Юга, превосходил Ллевеллу, финансовую столицу Севера, абсолютно всем, хотя бы только по одной из

причин: Югу был необходим административный центр, откуда монарх или предводитель мог, собственно, править. Среди северян же существовала своя договорённость о равных царствованиях на подконтрольных территориях, и единый центр им нужен не был, и отчитываться никто ни перед кем не собирался.

А ещё здесь, в Деферране, было ощутимо теплее, чем в более холодном Ньюне, продуваемом, к тому же, всеми возможными ветрами, пусть и не сильными. Несмотря на зимний вечер, здесь доцветали самые поздние цветы, а на стенах домов и ветвях кустов оседали мелкие капли дождя, чтобы увеличившись, отяжелев и ускорившись, стекать вниз.

Валери сразу пригласил всех в Сильверхолл – дворец Си в Деферране. Поскольку почти святой оставил целый город дел и забот, Моргана – свою обожаемую принцессу Игрейну Пятую, а Элайн – предка, которого не предупредил об отъезде, все стремились как можно меньше времени потерять и скорее поймать за хвост цепочку, которая могла бы привести к Роджеру Кардифу, если только не на его поиски отправилась Бриана.

Местный дворецкий, вопреки ожиданию Алекса, сообщил, что эрцеллет Санктуарийская ни одного раза не появлялась здесь со дня совершеннолетия не по случаю праздника. Но никого это не остановило. Валери лишь кивнул и направился на поиски комнат брата-близнеца. Элайн и Моргана последовали за ним. Разочарование, которое принц испытал, когда понял, что жена его здесь не появлялась, словно ставило ему невидимые преграды, но Алекс упрямо двигался вслед за всеми, потому что знал, что отстав, позволит одиночеству войти в душу и всё-таки поддастся желанию отследить метакарту Брианы шпионским методом. К тому же ему было любопытно взглянуть на комнаты, в которых угасло так много любви, как о том говорят.

Против любых ожиданий, апартаменты Роджера Кардифа в Сильверхолле выглядели так, будто использовались как склад. Так много там лежало и стояло, рядами, стопками и кучами: книг, бумаг, подозрительных склянок, оружия и предметов искусства.

– Сюда эвакуировали всё, что оставалось в Преви-Шедвард, – объяснил Брайан. – В то время дом был полуразрушен. Сейчас уже, наверное, не осталось и руин.

– Личность твоего брата поражает, Валери, – протянул Алекс, поднимая из кучи странных предметов ошейник из резной белой кости с длинной цепью, где металлические звенья были заменены кожаными. – Знаешь, для чего это?

Элайн, как и Моргана, судя по виду, начали догадываться, а вот почти святой просто отвернулся, и, пройдясь по кабинету, вышел и завернул к дверям в спальню. Алекс из любопытства пошёл следом, положив ошейник на место. А Валери знал, что и где искать – он методично перерывал ящик за ящиком из тех, что Кардиф задвинул далеко под кровать. В этих ящиках хранились пожелтевшие и пятнами позеленевшие листы писем.

– Зачем тебе читать чьи-то письма? – поинтересовалась Моргана, вошедшая следом. – И чьих писем он так много мог хранить?

– Это был его способ вести дневник, – помолчав, ответил Валери. – Кто-то пишет всё в тетрадах, но нашедший их никогда не сомневается, что автор пишет о себе. А здесь, поскольку почерк, язык и стиль речи изменены и записи составлены от лица неизвестного, никто и не может сразу предположить, что всё описанное – жизнь Роджера.

Валери, нахмутив красные брови, углубился в просмотр страниц, а окружившие его так и застыли. Кому-то легко представилось сейчас, что это сам Кардиф сейчас сидит перед ними за чтением. Кто-то раздумывал над тем, можно ли хоть одной живой душе, кроме близнеца хозяина дневников, прочесть их. А кто-то, и это был Алекс, разглядывал явные схемы, вычерчивая которые, Кардиф местами протыкал рыхлую бумагу насквозь. Присев рядом и протянув руку к письму со схемой, Алекс наткнулся на предупреждающий взгляд Валери:

– Ты можешь узнать там то, о чём ни за что и никогда не хотел бы узнавать.

– Долгая жизнь меня ко многому подготовила, – ответил принц, но, развернув бумагу и увидев, что именно рисовал Кардиф и какие расчёты делал, Санктуарий не смог сдержаться: – Ого! Парнишка даром времени не терял!..

– Что вы нашли?

– Нечто, что может разниться с тем, что предсказывал Сапфир.

– Предсказывал на счёт чего именно? – встревожился Валери.

– Подскажи-ка, когда он это рисовал? – показал Алекс письмо.

– Лет... двести назад, не меньше.

– Тогда это ещё интереснее.

– Что интереснее?! – начал злиться почти святой.

– Твой брат обдумывал, как покинуть планету методом древнейших. Возможность достигнуть предела явно не давала ему покоя. А здесь как раз есть расчёты скоростей выхода на орбиту для его тела. Не советую пользоваться, они могут быть не вполне верны. Да и нужных поправок нет.

– Не вполне верны? – переспросила Моргана.

– Не люблю делать вычисления на ходу, но его цифры я запомнил, как-нибудь проверю.

– А, да, если бы они были верны... – Валери задумался так глубоко, что казалось, наступит весна, прежде чем он снова заговорит. – Сапфир говорил, что Роджер спит. Он мог оцепенеть для перелёта.

– Перелёт сложен. И невозможен без химии перевёртышей. Если ты увидишь в его письмах, что он дошёл до этой мысли...

– То он может быть на другой планете сейчас? – воскликнула Моргана.

Алекс поколебался, но кивнул, решив дополнить как можно более объективно и осторожно:

– Всё-таки перелёт с планеты на планету, особенно своими силами, впервые, без высоких технологий, очень сильно влияет на тело и сознание. Вероятнее всего, крылатый, даже попав на другую планету, всё равно завершает цепенение и засыпает... на миллионы лет и не просыпается иной раз вовсе. Надеюсь, он слышал об этом.

– Но только это могло бы объяснить его слишком затянувшееся отсутствие, – возразил Элайн.

– Сапфир предсказал, что Роджер вернётся, – напомнил Валери. И, после долгой паузы, добавил: – При моей жизни, если я правильно понял подтекст.

– Давайте искать дальше! – чуть веселее, чем нужно, предложил Алекс. – Это только одно письмо и одна гипотеза. Скоро мы найдём что-нибудь ещё.

Считалось, что папаша Брианы держался среди лучших фехтовальщиков, был известным охотником до прекрасного пола, при этом не дурак выпить, в музыке и поэзии – талант, и образование имел потрясающее. Так когда он успевал шерстить легенды о древнейших, исследовать границы возможностей тела и писать философские заметки? Что ещё там, в этих его дневниках?

Довольно много. В продолжение перебирания дневников Кардифа, Санктуарий понял, что давно не имел такого увлекательного чтения.

– Темно, – пожаловался через полсвечи Санктуарий. – Что со светом?

– Сюда до сих пор не провели электричество, – поднимаясь с места, сообщил Валери, – придётся как прежде, свечами.

– Сильвертон трясётся над каждым матти?

– Это всё новый дворец, его строительство, – проговорил Валери. Алекс пронаблюдал, как почти святой зажигал свечи и тихонько, одними губами, читал краткие молитвы. Благодарил бога за священный огонь?

– Моргана, скажи, твой супруг в постели с тобой тоже благодарит Единого?

Эскортесс зажала рот руками, чтобы не расхохотаться в голос. По её глазам Алекс понял, что почти святой всё-таки уж слишком сильно двинут на религии. С другой стороны, как ещё, если не так, заслужить такую огромную любовь Единого?

А тем временем Элайн подобрал листы, которые, едва взяв, уронила Моргана, и стал наскоро просматривать их.

– Хэй, кажется, я нашёл, – нерешительно, не смотря на радость в голосе, проговорил Уоррен Элайн тогда, когда все уже собрались было отправляться ужинать.

– Что там?

– Он искал средство от любви, – передав листы Валери, рассказал Элайн, – что в его случае понятно. Но он сделал предположение, что любовь можно постепенно вылечить, как безумие, и наверняка решил обратиться к одному исследователю, Гранту Дола. Здесь он набросал свои вопросы к нему. Если эта часть дневника не слишком старая, то имеет смысл поискать этого Гранта Дола.

– Да, оно одно из самых последних. Оно написано спустя два лунных периода после того, как он покинул Ньон, – подтвердил Валери. – Я обращусь в архивы к Виру, и он скажет, где искать Дола.

– Нет нужды, – сказал Алекс. – Дол умер. Он всё вложил в создание больницы, которую уничтожили драконы во время войны. Говорят, Дол оставался там до последних минут и погиб, когда здание втоптали в землю. Я помню его имя, потому что на него ссылался Томас Пэмфрой в своих работах. Семья погибшего учёного осталась во владении землёй и домом там, где сейчас находятся леса Гано. Быть может, кто-то уцелел и вспомнит, появлялся ли у них Кардиф?

– Проще, опять же, сделать запрос в архиве.

– Да, потому что, кем бы ни были наследники Дола, наверняка они переехали. Леса Гано стали совершенной глушью в сравнении с тем, что было там раньше.

За ужином Элайн продолжил обсуждение:

– Но, может быть, не застав Гранта Дола в живых, Роджер мог обратиться к перевёртышам... они могли дать ему всё для перелёта на другую планету.

Алекс очень старательно молчал.

– Надеюсь, что нет, – мрачно произнёс Валери. – Но если он действительно пришёл к такой мысли, то скорее он обратился бы к Даймонду, чем к перевёртышам. Не те были времена тогда.

– Верно ведь, – признал Элайн.

– Даймонд бы сказал нам о том, что с ним по такому поводу разговаривал Роджер. Даймонд рад был бы поиздеваться, – возразила Моргана.

– Разве только Роджер не исчез сразу же после разговора, и стало не над кем издеваться, – предположил Элайн.

– С ходу такие дела не делаются, – улыбнулся Алекс. – На подготовку к перелёту крылатым нужно много времени, а Роджер не показался мне торопыгой и глупцом, способным пренебречь важными мелочами.

Вроде бы лишнего не ляпнул.

– Он мог улететь не сразу, а просто исчезнуть в горах, а затем...

– Надо прочитать всё, – понял Валери. Он вздохнул и впервые после возвращения в старый Деферранский дворец семьи, улыбнулся, почти повторив слова Алекса: – Это только второе письмо и вторая гипотеза. Будет ещё!..

Однако больше ничего не нашлось. Кардиф оказался очень думающим крылатым – он много думал, много предположений записал, и много идей, по поводу чего угодно, оставил в дневниках, однако почти не писал о том, что собирается делать и с кем хочет встретиться – наверняка в целях конспирации. Ведь его исполненные планы было бы легко соотнести с его

прошлым. В целом, знакомство с дневниками Кардифа заставило всех читающих на обратном пути в Ньон молчать и углублённо размышлять о масштабе личности пропавшего.

Алекс лишь одного не мог понять: какого демона настолько умный, глубоко мыслящий и чувствующий парень, явно же сознательно предпочёл не увидеть в Бриане того, в какую негодницу она может превратиться?

Глава 7. Дом пострадавших

По возвращении в столицу, Брайан Валери оказался втянут в ворох губернаторских проблем и поиски Кардифа приостановились, ведь, ко всему прочему, приближалось восстание – важная веха в истории империи.

Санктуарий, устав ждать, написал супруге на метакарту. И получил самый обыкновенный ответ через сутки:

"Я нахожусь у своей матери", – писала она, – "ты можешь приехать и познакомиться с ней, наконец".

Если бы Санктуарий мог бешено крутить головой и брызгаться ядовитой слюной, он бы делал это после такого сообщения, потому что желание после такого ответа возникло ещё как. Мать Брианы, судя по рассказам, одна из тех стерв, которые искренне не понимают, почему они стервы, и не просто никогда не меняют стиля поведения, но предсказуемо ужасны, если пытаться с ними общаться, и милы, если держаться от них как можно дальше. И, если вспомнить, каков и отец Брианы, то эрцеллет при таких родителях просто совершенство.

"Но как он, Роджер Кардиф, крылатый, который уже достаточно узнал женщин и их характеры, мог жениться именно на такой?" – недоумевал Алекс, однако собираясь в путь. – "Неужели правду говорят, что он вовсе не такой уж охотник до откровенных удовольствий, а просто излишне влюбчив? Пожалуй, если это так, то это наводит на определённый вывод. Хорошо", – решил принц, – "если благодаря любви Кардиф прожил с этой женщиной лет пять-семь и выдержал её характер, то следует заставить себя обожать её. Это же не надолго, в конце концов!"

Путь к дому матери Брианы (Алекс так и не вспомнил, как зовут тётку), занял всего несколько свечей. Больше времени ушло на то, чтобы дожидаться возвращения сервов, посланных за подарками. Бриана почти никогда ничего не рассказывала о том, как, где и с кем живёт матушка, так что пришлось раскошелиться и на подношение возможному новому отчиму эрцеллет, и гипотетическим тётушкам и дядюшкам, а так же и предполагаемому отряду ребятишек.

На месте оказались все: мельтешащие детишки под ногами, тётушки, рассаженные рядками по диванчикам, отчим и дядюшки, которые, как ранее и подозревал Алекс, были здесь не только слабыхарактернее и бесправнее женщин, но и моложе. Скоро запутавшись в том, кто чей слишком молодой муж, а кто чей слишком взрослый сын, Санктуарий решил не уподобляться представителям своего пола в этом доме и не прятаться под карточным столом, а влезть в самую гущу дамских сплетен и стать полноправным участником на празднике зависти и клеветы. Одно радовало: Бриана молча осуждала здесь практически всё и всех, за исключением младших детей, с которыми с удовольствием возилась.

При первой же возможности Алекс подробно рассказал Бриане о путешествии в Сильверхолл. В ту ночь, ещё тёплую для начала зимы, они болтали почти до рассвета, сидя на перилах балкона отведённой им спальни, мешая горячий шоколад с латкором и глядя на звёзды. Ей очень не понравились выводы, которые она сделала:

– То есть отец либо мёртв, потому что ошибся с траекторией, и его унесло мимо обитаемой планеты, либо отравился химикатами перевёртышей или Даймонда, либо будет спать пару-тройку миллионов лет в мёрзлом песке под чужими звёздами?

– Ну, может, в болоте под чужими звёздами. Хотя целее будет, если, конечно, в мёрзлом песке...

– Ты пытаешься шутить, я знаю, но это не уместно сейчас, Алекс. Я зла. Как он мог так распорядиться своей жизнью?!

– Кхфп! – профырчал-проплевался Алекс, не зная, как ещё выразить насмешку, раздражение и бессмысленность ответа на глупый вопрос.

– Но это же идиотизм! – возмущалась Бриана. Так хороша в этом сумраке под звёздами глубокой холодной ночи. И, тем не менее, Алекс решил напомнить о реальности, в которой совершенства нет:

– Попробуй сказать, что и ты никогда не совершала идиотских выходок.

– Сейчас ударю.

– Понял, понял, я должен верить, что то, что ты делаешь, всегда исполнено глубокого смысла, и если я его не вижу, то обязан молчать, пока не отыщу его. Так? Хорошо, тогда, чтобы я не попадал в неудобные ситуации, занимайтесь иногда самокритикой, дорогая эрцеллет.

Бриана подумала, улыбнулась и протянула ему руку с порядком замёрзшими пальчиками:

– Если это весь ваш рецепт, господин лекарь, то я благодарна.

– В мой рецепт входит процедура, о которой я ещё не говорил.

Став серьёзнее и нежнее, эрц-принцесса поднялась с места и вернулась в спальню. Через стеклянную дверь Алекс наблюдал за её движениями и ощутил настойчивое желание молитвой поблагодарить Единого за невероятное тепло внутри, которое из-за Брианы с её "ужасными" характером и воспитанием, ему никогда и никак не потерять. Пока она любит его, он ни за что не сможет оставить её.

Алекс старательно развлекал себя, придумывая для семьи матери Брианы (которую звали то ли Белла, то ли Беатрис), сначала наиболее точные прозвища, а затем испытания, с которыми бы эти разумные справились бы или наоборот – не справились. Но от этого занятия его настойчиво отвлекали две мысли. Первая состояла в том, что в этом царстве властных женщин что-то не так, а вторая мысль концентрировала внимание Алекса на то, что Бриане в таком месте как-то... спокойно. Да, среди этих родственников она потускнела, да, пламенной любви её все эти крылатые не вызывают, но должна быть причина, по которой она выглядит в этом доме отдыхающей, расслабленно-сонной.

Ради этого "отдыхающего" вида жены, Алекс позволил себе задержаться в таком месте на несколько дней. Он так и не понял, можно ли было найти что-то хорошее здесь, кроме тренировки духа и подкрепления семейной связи. Но едва Бриана и Алекс решили вернуться в Три-Алле, как случилось это – он получил все ответы самым откровенным образом:

– Матушка, разрешите мне чаще навещать вас, – обращалась Бриана к матери перед самым отъездом. Ну а Санктуарий только что заметил, что у матери и дочери одинаково строгие причёски – фактически вариации пучков. И одинаковая страсть вставлять белые отвороты воротников даже к самым легкомысленным платьям. Правда, Бриана больше любит тёмные и насыщенные цвета.

– Конечно, дорогая. Пусть ты напоминаешь мне твоего отца, но ты всё равно останешься моей горячо любимой старшей дочкой, – с немалой нежностью отвечала Беатрис. Или Белла. Или как-там-её. Может... Белинда?

Нет, показалось. Бриана вовсе не копирует мать.

– Простите, матушка.

– Ничего милая, ты же не виновата, что эгоисты-мужчины так двуличны и жестоки, – говорила матушка успокаивающим тоном. – Просто продолжай сохранять свою твёрдость и береги себя, чтобы противостоять им и сохранить мир в своей душе. Ты всё делаешь правильно.

Внезапно Алексу захотелось ударить тещу по носу, чтобы она ощутила всю "правильность" поведения дочери на себе.

– Рада, что ты заговорила об этом, – вдруг блеснула глазами Бриана. – И ты всё правильно рассказывала – большинство могущественных мужчин не слишком считаются с теми, кто слабее в чём-либо.

– Таковы все мужчины, – кивнула хозяйка дома. И продолжала говорить с полным сознанием правоты: – Им плевать на чувства, они не желают ничего слышать, даже если это крайне важно. Они не сворачивают с выбранного пути и не признают ошибок. Они хитры, ветрены, не надёжны, и если тебе кажется, что тебя ценят и уважают, то это просто очередная их уловка.

"Невероятно!" – поражался про себя Алекс. – "Невероятно, что я слышу всё это!"

Но возмущение мгновенно пропало, потому что Алекс увидел в глазах обеих женщин, матери и дочери, страдание и веру в то, что они сумеют "защититься". Мать, скорее всего, действительно узнала мужчин не с самой лучшей стороны, познала предательство и бессилие, и брак с таким типом, как Кардиф, не просто не исцелил её душевных ран, а усугубил их. Только считая мужчин опасными, она окружает себя теми из них, чьи мысли и побуждения для опытной женщины легко читаемы – молодыми, едва вошедшими во взрослую жизнь крылатыми.

Что касается Брианы, то с детства она видела слёзы матери, слышала немало упрёков в адрес отца, и так сформировала своё представление о мужчинах. Слишком откровенная в своих рассказах мать-мученица, слишком ветреный и обаятельный отец, которого, к сожалению, не возможно не любить – всего этого в прошлом должно быть достаточно, чтобы и в настоящем плохо чувствовать себя даже рядом с любимым мужем. И понятно, почему она убежала именно тогда, с того вечера Белого Блока и забралась так далеко. Она спряталась под крылышко понимающей матери в самом натуральном страхе – ведь почти все собравшиеся принцы производили впечатление более могущественных и бездушных версий Роджера Кардифа. Но, как тогда объяснить продолжающуюся любовь к нему, Алексу? Разве он не такой же, как и все они?

Санктуарий привёз супругу домой, стараясь оставить самые глубокие размышления на потом, и сделать вид, что вообще ничего из разговора Брианы с матерью не слышал. Но зато теперь ему захотелось вбить Кардифа в землю по подбородок, вместо пары планируемых ударов по носу (это отец научил Бриану пускать в ход кулаки). Но чтобы получить своё жестокое удовольствие, Алексу предстояло сначала найти эту сволочь. И снова "но": если найти и вытащить это чудовище из норы, в которой он прячется, и не убить его, то, пожалуй, где-то снова начнут появляться маленькие Брианы и страдающие леди. Так что, может быть... пусть спит до поры? Это самое гуманное решение, как ни крути.

По возвращении Алекс стал гораздо внимательнее смотреть на жену. У него никогда не было привычки наблюдать за Брианой не отрывая глаз – обычно это она внимательно следила за ним. Иногда Санктуарий думал, что это потому, что жена влюблена, иногда полагал, что супруга ждёт повода, чтобы ударить, но сейчас понял – он для неё всегда был опасен, несмотря ни на какие чувства, и это она ждала удара. Каково это, интересно? Каково любить нечто опасное? Наверняка же не раз её ранил, но она не сбегала. Это такая храбрость, или всё это расчёт, за исключением влечения и привязанности?

Как бы там ни было, но Санктуарий, следя за тем, не вздрагивает ли её рука, протянутая ему, не холодеют ли пальцы, не отливает ли кровь от лица, чаще стал встречаться взглядом с Брианой. С детства усвоенный ею урок гласил, что наслаждение вниманием мужчины всего лишь первая ступень к тому, чтобы стать жертвой, заложницей обстоятельств, которые он создаст вокруг. Так что некоторое время она достаточно плохо реагировала, но поскольку ничего ужасного вслед за взаимным разглядыванием не случалось, она начала расслабляться и обвиваться вокруг Алекса подобно змее, чтобы лаской выпытать хоть что-нибудь о причине перемен. И, независимо от его и её целей и желаний, оба вдруг стали куда ближе. Это было странно, и следовало признать, что даже в первое время союза такого уровня интимного доверия не существовало. Теперь же вдруг оказалось, что каждую свечу вдвоём они могут превратить в потрясающее приключение и без игры в скандал.

Глава 8. Предчувствие ужасной правды

Чтобы пережить восстание неподалёку от столицы и вернуться, как только появится необходимость, принцы и регенты из Белого Блока со своими семьями разместились в ближайшем из всех имений принцев – довольно большом доме, принадлежащем Макферстам. Бодряще прохладные галереи, соединяющие флигели, словно созданы были для того, чтобы прогуливаться с дочерьми в ожидании новостей из столицы. А Дэлсиер и Дануин представили новую технологию, благодаря которой больше не нужно было ждать новых слепков для метакарт. Теперь информация о происходящем в Ньоне поступала непрерывно, а летшары подчинялись непосредственному управлению.

Конечно, едва Алекс сообщил жене, что Сапфирта сбежала в Ньон, Бриана потеряла всякий покой и больше не выпускала из рук метакарту. Санктуарий, видя её, всё ухудшающееся состояние, постарался отвлечь Анну и Шеридан игрой, однако едва девочки перестали цепляться за мать, готовую сорваться в истерику, он не бросился опрометью за Сапфиртой, а продолжал стоять и смотреть на жену. Пары мгновений хватило Бриане, чтобы понять – он не сдвинется с места.

– Чего тебе нужно? – спросила она. Когда супруг промедлил с ответом, она понадеялась, что странное чувство, сообщающее о том, что принц не собирается спасать дочь – ошибочно. – Так что же тебе нужно, чтобы вернуть её сюда?

– Немного времени, – ответил он, подумав.

– У тебя сколько угодно времени, только спаси её, ты же можешь, правда?

– С чего ты взяла, что ей угрожает такая уж страшная опасность? Сапфирта в Ньоне – всего лишь один перевёртыш среди тысячи таких же, как она.

– Она – одинокая девушка среди крушащего всё на своём пути стада мужланов!

– Всё с ней будет в порядке.

– Ты говорил с Сапфиром?

– Да, – и Алекс замолчал, хотя мог рассказать больше – Бриана поняла это. Её до онемения шокировало спокойствие принца. Чувство опасности кричало о том, что дочь уже не вернётся никогда. Но разум говорил, что Сапфир крайне редко ошибается и следует довериться суждениям древнейших. Правда, чем больше она размышляла, пытаясь внять голосу рассудка, тем большей казалась опасность, угрожающая Сапфирте. Теперь ей вспомнились слова принцев на последнем из вечеров Белого Блока, на котором она присутствовала. Вспомнилось о том, что и как они говорили. Кто для них все перевёртыши. Шёпотом, ещё совсем недавно, Сапфирта поведала о том, что некоторые из принцев провели пару недель в Абверфоре за то, что действительно всё ещё в глубине души желают смерти перевёртышам, как виду. С таким отношением древнейших, им так легко поставить свои интересы превыше жизни Сапфирты! Хуже всего то, что они могут попытаться использовать её, попросят, скажем, пробраться к лидерам восстающих и... что угодно может произойти! Пятнадцатилетняя девчонка где-то там, посреди улиц Ньона!

Руки Алекса удержали Бриану на месте и крылатая, крайне раздражённая и разозлённая, попыталась отбросить их от себя. И чем дольше супруг удерживал Бриану, тем ярче алели её глаза. В конце концов, когда бешенство затопило крылатую изнутри, в руке сам собой появился меч. Алекс едва не сломал ей руку, заставив отпустить рукоять. Когда упавшее на каменные плиты пола оружие отзвенело своё, Алекс сказал:

– Я всё думал о том, как ужасно будет переживать за дочь, не имея возможности ничего сделать до поры, но ты... то, как ты переносишь всё это – ещё ужаснее! Мне следует, чёрт возьми, выдержать ещё и твои порывы!.. Приди в себя! Ни одному крылатому сейчас не место в Ньоне!..

– Почему нельзя было предотвратить всё это?!

Алекс смолчал.

– Почему Кристиан смело подвергается этой опасности?! – продолжала восклицать Бриана. – Почему? Что даёт ему эту силу? Его долг, как командира доспешников? Но твой долг как отца, и мой долг матери, разве не так же важны?!

– Важны, милая, но только не сейчас, не сегодня. Девочка влезает в гущу событий, которые будут иметь отношение ко всей её дальнейшей судьбе. Она решает кто она, осознаёт свою видовую принадлежность прямо сейчас, теперь. Запрещать ей это – значит просто отойти от целой горы проблем, в десятки раз увеличив её!

– Для тебя так важно именно это? Ты хочешь разом выяснить, кто будет принадлежать твоей семье – сильная личность или глуповатая девчонка? Но это же жестоко!..

– Как будто это я предложил ей вернуться в Ньон!..

– Ты не предусмотрел, не спросил, не выяснил всего!.. Я...

– Прекрати нервничать, – почти совсем спокойно приказал Алекс. И это были особенные слова, которые были понятны не только Бриане, но и всем подошедшим на шум.

Дважды Бриана самым опасным образом мешала Алексу участвовать в защите планеты от атаки перевёртышей извне. Один раз ему пришлось отнести её в штаб главнокомандующего, чтобы она могла переждать военные действия там. Но в другой раз всё было во много раз хуже – из-за того, что защита растянулась на целый лунный период, и принц не мог нигде оставить супругу одну, ему пришлось скрываться с ней в лесах, чтобы даже случайно не выдать инопланетянам ни убежищ мирных жителей, ни расположения основных сил. А всё начиналось с того, что Бриана слишком нервничала из-за того, что Алекс мог умереть в сражении, и желала полететь и спасти его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.